

ПАСХА

«Я думал, что умру как угодно, но только не так... Почему я редко ходил в церковь и окрестился в двадцать пять лет? Наверное, поэтому и такая смерть? Кровь сочится медленно, не так, как от пулевого ранения, буду умирать долго...» – Сергей с трудом вдохнул воздух полной грудью. Это все, что он мог сделать. В желудке уже пятый день не было ни крошки, но он и не хотел есть. Нестерпимая боль в пробитых насквозь руках и ногах временно прошла.

«Как же далеко видно с этой высоты, как красив мир!» – подумал сержант. Две недели он не видел ничего, кроме земли и бетонированных стен подвалов, превращенных в зинданы. Пулеметчик, он был взят в плен разведчиками боевиков, когда лежал без сознания на опушке ближайшего леса, контуженный внезапным выстрелом из «мухи».

И вот он уже два часа парит в воздухе на легком ветру. В небе ни облачка, нестерпимая весенняя синева. Прямо под ним, у струящихся неровной змейкой окопов боевиков, разворачивался серьезный бой.

Бои за село Гойское шли уже вторую неделю. Как и раньше, боевики Гелаева заняли оборону по периметру села, скрываясь от артиллерии за домами местных жителей. Федеральные войска со штурмом не спешили, новые генералы больше полагались на артиллерию, чем на прорывы пехоты. Все-таки это была уже весна 1995 года.

Сергей пришел в себя от удара ногой в лицо. Его принесли на носилках допрашивать боевики. Вкус солоноватой крови во рту и боль от выбитых зубов привели в чувство сразу.

– С добрым утром! – засмеялись люди в камуфляжах.

– Да что его пытать, он все равно ничего не знает, всего-то сержант, пулеметчик! Дай, расстреляю! – нетерпеливо, глотая окончания, по-русски сказал бородатый боевик лет тридцати с черными зубами. Он взялся за автомат.

Два других с сомнением смотрели на Сергея. Один из них – а Сергей так и не узнал, что это был сам Гелаев, – сказал, как бы нехотя, постукивая палочкой по носкам своих новых адидасовских кроссовок:

– Аслан, расстреляй его перед окопами, чтобы русские видели. Последний вопрос тебе, кафир: если примешь ислам душой и расстреляешь сейчас своего товарища, будешь жить.

Тут только Сергей увидел еще одного связанного пленника – молодого русского парня лет восемнадцати. Его он не знал. У мальчишки руки были связаны за спиной, и он, как баран перед закланием, уже лежал на боку, скорчившись в ожидании смерти.

Мгновение растянулось в целую минуту.

– Нет, – словно вылилось изо рта, как свинец.

– Я так и думал, расстрелять... – лаконично ответил полевой командир.

– Эй, Руслан! Зачем такого хорошего парня расстреливать? Есть предложение лучше! Вспомни историю, что делали гимры, наши предки, более ста лет назад, – это произнес подошедший сзади боевик в новеньком натовском камуфляже и в зеленом бархатном берете с оловянным волком на боку.

Сергей со своими отбитыми почками мечтал тихо заснуть и умереть. Больше всего он не хотел, чтобы ему ножом перед видеокамерой перерезали горло и живому отрезали уши.

«Ну уж застрелите как человека, сволочи! – подумал про себя солдатик. – Я заслужил это. Столько ваших положил из пулемета – не счесть!»

Боевик подошел к Сергею и пытливо посмотрел ему в глаза, видимо, чтобы увидеть страх. Пулеметчик ответил ему спокойным взглядом голубых глаз.

– У кафилов сегодня праздник, Христова Пасха. Так распни его, Руслан. Прямо здесь, перед окопами. В честь праздника! Пусть кафиры порадуются!

Гелаев удивленно поднял голову и перестал выстукивать ритм зикта по кроссовкам.

– Да, Хасан, не зря ты проходил школу психологической войны у Абу Мовсаева! Так и быть. И второго, юного, тоже на крест.

Два командира, не оборачиваясь, пошли в сторону блиндажа, обсуждая на ходу тактику обороны села. Пленные уже были вычеркнуты из памяти. И из списка живых.

Кресты соорудили из подручных телеграфных столбов и мусульманских погребальных досок, которые набили поперек и наискось, подражая церковным крестам.

Сержанта положили на крест, сняв с него всю одежду, кроме трусов. Гвозди оказались «сотка», крупнее не нашли в селе, поэтому вбивали их в руки и ноги по несколько штук сразу. Сергей тихо стонал, пока прибывали руки. Ему уже было все равно. Но громко закричал, когда первый гвоздь пробил ногу. Он потерял сознание, и остальные гвозди вколачивали уже в неподвижное тело. Никто не знал, как надо прибивать ноги – напрямую или накрест, захлестнув

левую на правую. Прибили напрямую. Боевики поняли, что на таких гвоздях тело все равно не удержится, поэтому сначала привязали Сергея за обе руки к горизонтальной доске, а затем и притянули ноги к столбу.

Он пришел в себя, когда на голову надели венок из колючей проволоки. Хлынувшая кровь из порванного сосуда залила левый глаз.

– Ну, как себя чувствуешь? А, пулеметчик! Видишь, какую мы тебе смерть придумали на Пасху. Сразу к своему Господу попадешь. Цени! – улыбался молодой боевик, забивший в правую руку Сергея пять гвоздей.

Многие чеченцы пришли поглазеть на старинную римскую казнь из чистого любопытства. Что только не делали на их глазах с пленниками, но распинали на кресте в первый раз. Они улыбались, повторяя меж собой: «Пасха! Пасха!»

Второго пленника также положили на крест и стали забивать гвозди.

– Ааааа!

Удар молотком по голове прекратил крики. Мальчишке пробили ноги, когда он уже был без сознания.

На сельскую площадь пришли и местные жители, многие смотрели на подготовку казни с одобрением, некоторые, отвернувшись, сразу ушли.

– Как русские рассвирепеют! Это на Пасху им подарок от Руслана! Будешь долго висеть, сержант, пока твои тебя не пришьепнут... из христианского милосердия. – Боевик, вязавший окровавленные ноги пулеметчика к столбу, раскатисто засмеялся хриплым смехом.

Напоследок он надел обоим пленникам поверх колючей проволоки и российские каски на голову, чтобы в лагере генерала Шаманова уже не сомневались, кого распял на окраине села полевой командир Руслан Гелаев.

Кресты вынесли на передовую, поставили стоя, вкопали прямо в кучи земли от вырытых окопов. Получалось, что они были перед окопами, под ними располагалась пулеметная точка боевиков.

Поначалу страшная боль пронзила тело, обвисшее на тонких гвоздях. Но постепенно центр тяжести приняли веревки, затянутые под мышками, а кровь стала поступать к пальцам рук все меньше и меньше. И вскоре Сергей уже не чувствовал ладоней и не ощущал боли от вбитых в них гвоздей. Зато страшно болели изуродованные ноги.

Легкий теплый ветерок обдувал его обнаженное тело. Вдали он видел танки и артиллерию 58-й армии, которая после долгой подготовки намеревалась быстро выбить боевиков из Гойского.

– Эй, ты живой? – Сосед Сергея пришел в себя. Крест мальчишки стоял немного позади, поэтому пулеметчик не мог его увидеть, даже повернув голову.

– Да... А ты?

– Бой разгорается. Только бы свои пулей не зацепили.

Сержант про себя усмехнулся: «Дурачок! Это было бы избавлением от всего. Правда, наши не станут стрелять по крестам, попробуют скорее отбить. Но это пустое. Даже если чеченцы станут отходить из села, уж двоих распятых они точно пристрелят – прямо на крестах».

– Как зовут? – Сергей хотел поддержать разговор, потому что тонко почувствовал, что парень боится умереть в одиночестве.

– Никита! Я – повар. Отстали от колонны. Бой был, троих убило, я уцелел.

«И напрасно», – подумал про себя пулеметчик.

– А сколько на кресте человек живет?

– От двух дней до недели... Чаше умирали от заражения крови. Римляне обычно ждали три дня... Даже давали воду. Когда надоедало, делали прободение копьем.

– Что такое прободение? Сергей дернул ртом.

– Библию не читал? Это когда копьем прокалывают живот.

– У чеченцев копий нет...

– Правда? А я думаю, что у них глобуса да учебника арифметики нет, а это дерьмо как раз есть! – Сергей сплюнул вниз. Плевок с кровью упал рядом с чьим-то пулеметом.

Внизу началась какая-то возня. Сергею было тяжело опускать голову вниз, но он заметил, что боевики начали занимать свои места в окопах, в пулеметы заряжали ленты.

«Ну, точно, наши решили отбить живыми!» – подумал пулеметчик, заметив передвижение шамановской разведроты. За ними развернулись в боевой порядок десятки БМПэшек, несколько бэтэров и один танк «восьмидесятка».

Сергей закрыл глаза. Он почему-то представил, что две тысячи лет до него, так же в одиночестве, окруженный враждебной толпой, страдал на кресте еще один Человек. Божий Сын Иисус. Он простил всем, искупил их вину, претерпел казнь.

– А я смогу простить чеченцам все? – вдруг задал он себе вопрос.

Он с болью опустил голову, увидел, как боевики сновали по окопу под ним, переносили ящики со снарядами и цинки с патронами. Один молодой боевик вдруг остановился под крестом, поднял голову. На лице расплылась довольная улыбка, он вскинул автомат, прицелился в голову.

– Страдаешь, кафир? Страдай, твой Бог так тебе завещал!

– Не кошунствуй! Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его! – сурово произнес другой боевик, ударив по щеке юнца. Мальчишка согнулся и быстро понес стопку зеленых пороховых зарядов к ручному гранатомету.

«Так я смогу простить чеченцам? Он бы так хотел... Вряд ли после всего, что они здесь сделали...»

Пуля от СВД щелкнула по доске рядом с правой рукой.

«Случайно?» – снизу уже вовсю разгорался бой. Артиллерия долбила по позициям боевиков, но снаряды рвались либо правее, либо левее крестов.

– Ну, давайте, мужики! Мочите гелаевцев! Мы с вами и душой и сердцем! – тихо произнес Сергей. Сверху ему была видна панорама боя. Вдруг пуля снова щелкнула по доске рядом с правой рукой. Сергей понял – это было приглашение к разговору от одного из наших снайперов.

– Мы еще живы! Мы можем продержаться еще пару часов! Впереди окопов «духовское» минное поле! – проартикулировал в тишине Сергей. Он знал, где-то в прямой видимости сидит наш снайпер. Он готов в оптический прицел читать по его губам. Пулеметчик медленно повторил свои слова три раза. Пуля снова щелкнула по тому же месту.

«Слава Богу, поняли», – подумал сержант. Он всмотрелся в картину боя и заметил, как бронегруппа, штурмовавшая окраину Гойского, что называется, «в лоб», свернула к северу и стала приближаться к позициям боевиков значительно левее его креста.

– Аааа! – застонал рядовой на втором кресте. Видимо, боль была настолько нестерпимой, что мальчишка стал кричать на боевиков.

– Уроды, чехи поганые! Пристрелите меня, ну, пристрелите же!

Внизу один из боевиков поднял голову.

– Виси, кафир! Когда будет приказ отходить, я сам выстрелю тебе в живот, чтоб ты умер, но еще часок помучился, пока твои придут. Не надейся, мы не дадим вас освободить!

Еще одна пуля от СВД, как новое приглашение к разговору, отщепила кусок доски. Боевики в бою этого не услышали, но удар пули, ее энергетика была настолько высокой, что Сергей чувствовал это спиной, каждой частичкой тела, правда, пальцы руки и кисти уже ни на что не реагировали. Он знал – шла безвозвратная анемия конечностей.

Вопрос тоже был ясен для пулеметчика.

– Пристрелите парня. Чтобы он не мучился. Пристрелите! Он сам просит об этом, – беззвучно, как рыба, произнес Сергей.

– Эй, братишка! Ты еще жив? Приготовься к смерти, родной!

– Что?..

Рядовой на втором кресте так и не успел ответить пулеметчику. Снайперская пуля ударила его прямо в сердце, затем вторая, туда же. Мальчишка больше не стонал.

– Спасибо, ребята! – ответил снайперам пулеметчик, кивая головой.

Четвертая пуля ударила в доску. Сергей понял и этот вопрос.

– погоди! Я еще хочу вам помочь! Позже пристрелишь, я еще могу терпеть, – ответил смотрящему в мощную оптику снайперу сержант.

Сергей вдруг почувствовал какую-то волну слабости. Ему сильно захотелось спать. Он знал, что это симптом сильной потери крови. Нельзя, нельзя спать! Нужно помогать своим! Сергей сжал зубы и закашлялся. Сплюнул кровью.

Он заставил себя вновь всмотреться в картину боя. Линия обороны гелаевцев полностью повторяла полукружье домов, стоявших на околице. Пулемет под ним уже не стрелял, боевик, пообещавший всадить ему пулю в живот, лежал на дне окопа с пробитой головой. Место рядом тоже было «расчищено» – еще три трупа виднелись рядом, два боевика бинтовали раны в окопе.

«Не сидели сложа руки!» – подумал с гордостью пулеметчик. И тут он увидел, что там, левее, где бронегруппа из нескольких бэтэров и БМПшек благополучно обошла минное поле боевиков и вплотную подходит к окопам, боевики быстро уходят, протянув по окопу минные провода с гроздьё 152-миллиметровых снарядов.

– Останови «коробочки»! Там фугасы впереди, управляемые! – объяснил снайперу Сергей.

Видимо у снайперов была оперативная радиосвязь с наступающей бронегруппой, потому что «броня» вдруг неожиданно остановилась в ста метрах от первого фугаса.

Сергей чувствовал, что начинает терять сознание от потери крови. Исход боя был ясен, наши прорвали оборону гелаевцев с двух сторон и уже входят в село. Фактически они уже закрепились на его окраине.

– Братцы, теперь можно, пристрелите меня! – почему-то вслух и очень громко сказал пулеметчик.

Через мгновение пуля щелкнула по правой доске. Снайпер понял просьбу сержанта.

Сергей вздохнул, в глазах плавали черные круги, а сознание отчаянно цеплялось за солнечный свет, яркую синеву неба, борясь с одолевающим сном. Шли мгновения, снайпер медлил. Сильной волной боли ноги заявили о том, что они еще живые.

«А простил бы я «чехам»?» – вновь задал себе главный вопрос сержант. Он готов был резонно ответить: «нет», но сомнение зародилось в нем.

– Почему медлишь, браток? – спросил Сергей у всё видящего в оптику снайпера.

И тут сержант увидел, как к крестам, по окопу, побежал боевик, на ходу перезаряжая пулемет. «Уж не мой ли пулемет?» – пришел дурацкий вопрос в голову пулеметчику. В этот момент Сергей вдруг увидел, что за него, висящего на кресте, разгорается целый бой. Группа из пяти разведчиков перебежками приближается к его окопу. Боевик дал очередь по кресту, но не попал в сержанта. Тут же переключился на российских разведчиков и начал стрелять в них. Снайпер выстрелил один раз, пуля вошла прямо в лоб боевику, вырвала, создав эффект вакуума, из затылка целый шлейф крови.

* * *

– Только бы успеть, не прощу себе этого. – «Кобра» бежал с пулеметом наперевес, стреляя по окопу. Хвостики камуфляжной ленточки, повязанной на бритой голове, развевались как ленты матросской бескозырки. Пули свистели над головой, но разведчики этого не замечали. Они были в ярости. Не всякий знает – даже из тех, кто воевал, – каких глубин и какой мощи достигает человеческая ярость. Когда десантники увидели, как боевики подняли на крестах наших пленных, никто не проронил ни слова, никто даже не выругался матом. Молчал и генерал Шаманов. Эта ярость была по-страшнее любой ненависти к врагу.

– Вперед, – тихо произнес «Гюрза», и разведка Шаманова пошла на Гойское.

* * *

Сергей увидел, как по опустевшему окопу к нему бегут разведчики Шаманова, он даже узнал двоих из них. Снайпер так и не выстрелил ему в сердце. Последнее, что увидел сержант, было голубое-голубое до страшной синевы небо. Его сердце быстро затихало и остановилось – перекачивать по венам было уже нечего. Сергея захлестнул какой-то жар, пробежавший напоследок по всему телу.

* * *

Разведчики Шаманова – «Кобра» и «Гюрза» поклялись отомстить. Сергея и второго солдата бережно сняли с крестов и в надежде, что родители не будут копать в «цинках», отправили «грузом 200» на родину. Первого – в Сергиев Посад, второго – в Вологду. Их и похоронили, не зная, какую смерть они приняли.

Случай с распятыми потряс всю армию. Говорили, что это послужило поводом для ответных зверств со стороны федеральных войск. Говорили, что потом двоих гелаевцев незаметно вывезли в лес и зашили живыми в свиные шкуры: казненные так и не попадали в рай – они умирали в шкуре нечистого животного. Эту казнь мусульман придумали 300 лет назад запорожские казаки с Хортицы. Говорили, что с этого момента мертвым боевикам начали отрезать уши. Однако это были, скорее всего, только разговоры. Армия просто брезгливо уничтожала боевиков безо всяких зверств и ужасов.

Май 1995 года

СНИСКАЛИ БЕССМЕРТИЕ

6-я рота 104-го полка
Псковской дивизии
воздушно-десантных войск

К ночи перестрелка перешла в плотный духовский обстрел. Пунктиры трассеров сложились в какую-то сумасшедшую графику красно-желто-синих ломаных линий, росчерков и стрел. Пули шипели над головой, лопались о камни, хлестко чмокали по грязи. В частую дробь очередей стали то и дело вплетаться разрывы мин и гранат. Не соврал «дух» – весь вечер десантники действительно дрались лишь с передовым отрядом, и вот теперь к боевикам подходили основные силы.

– Эй, командир! – услышал комбат в наушниках знакомый насмешливый голос Идриса – так назвался чеченец. – Тэбе не жарко там? Видишь, я слов на вэтэр не бросаю. На каждого твоего сопляка тэпэр по двадцать наших лучших воинов. Но нам нэ нужны ваши жизни. Забирая своих цыплят и уходы. Командир, ты же умный мужик, сам видишь – у вас нет ни одного шанса. Вы и часа не продержитесь. Мы смэтем вас...! Ночью к вам ныкто не прыдет. И летчики ваши спят. Спасай своих солдат, уходы с дороги!

...Он был прав, этот Идрис. Превосходство боевиков было полным. На каждого десантника приходилось уже по полтора десятка «чечей». А «духи» все подходили. К тому же, у боевиков минометы, десятки пулеметов и гранатометов, а у десантников только восемь «граников» с носимым боекомплектом гранат да десятка два «мух».

Никто не ждал здесь такой огромной банды боевиков. Разведка докладывала о разрозненных мелких группах в десять-пятнадцать человек, прорывающихся к равнине. Только к утру на подготовленный уже опорный пункт должна была подойти техника и артиллерия. Ошиблась разведка...

Еще можно было отойти. Оставить заслон, обложиться минами, растяжками. Пробриться к реке и по руслу выйти к своим. В темноте «чечи» не решатся преследовать. Но тогда эта банда к утру вырвется из кольца. За семь часов, оставшихся до рассвета, они пройдут километров тридцать. Выведут в лесистое предгорье – и там их уже будет не достать...

Все это уже было. Эта площадь. Это весеннее небо. Этот собор, тела павших русских ратников. Все это уже было семьсот пятьдесят лет назад. В этом храме отпевали погибших на Ледовом побоище русских воинов. Кто из мальчишек не прятал слезы, когда видел эту сцену в великом фильме «Александр Невский»? И вот на этой площади, в этом храме прощались с павшими русскими десантниками. И было что-то великое, невыразимо мистическое в этой встрече прошлого и настоящего.

Тихо переговариваются офицеры, прощаются с друзьями. Капитан в потертом пятнистом бушлате скупно говорит о своем друге, который командовал в том бою русскими десантниками:

«Марк Евтюхин возглавил 2-й батальон 104-го полка два года назад. Прошел у нас в дивизии весь офицерский путь. От командира взвода до комбата. Его знали в дивизии все. Классный был мужик. А какой хороший спортсмен! Лучший нападающий в футбольной команде. В спарринге с ним встречаться – никаких шансов не оставит, просто отлично дрался, увлекался айкидо. Помню его в Боснии, а сколько учений вместе прошли. Никто не помнит, чтобы Марк орал на подчиненных или солдат оскорблял. Его бойцы и офицеры уважали как отца родного. Никогда не подставляли его ни с какими залетами. Всегда был веселый, не унывал, даже если совсем приходилось туго. Мог быстро разрядить напряжение солдат и офицеров, шутил так, что весь батальон мог «ржать» на плацу до боли в животах. Трудно сейчас о нем говорить. Честное слово, больно, что он ушел».

* * *

Комбат посмотрел на офицеров, сидевших на корточках вокруг него в мелком, полувыкопанном окопчике. Нормально закрепиться на высоте, окопаться, обложиться ограждениями десантники не успели. Выкатившийся на них в сумерках отряд боевиков не дал времени организовать оборону.

«Духи» обещают дать коридор. Время им дорого. Хотят к рассвету быть в предгорье, а там и до Шали рукой подать. Мы тут у них как кость в горле.

Выворачивая душу, завывала падающая из зенита мина. Все инстинктивно пригнулись. Ахнул близкий разрыв, густо обкидав всех вывороченной землей. Кисло пахло сгоревшим толом.

– Пристрелялись!.. – выругался ротный. – Что с помощью?

– До наших передков – километров десять. За спиной – только трасса и гарнизоны по сектам. По трассе должна была вечером на Ведено выйти колонна милиции, но связи с ними нет. Наши смогут подойти только к утру. Артиллерия огнем поддержит, но если «духи» подойдут

слишком близко, то сами понимаете. Авиация работать не сможет – ночь, туман. Так что будем делать, славяне?..

Комбат знал ответ. Знал, что скажут его офицеры. Знал, но хотел услышать эти слова, укрепиться ими, успокоить душевную смуту. Ведь вокруг него дрались его солдаты. Молодые ребята – они доверили ему свои жизни, верили в него, верили в мудрость и удачу своего командира. Они хотели жить, любили жизнь. И ответственность за них неимоверным грузом давила сердце. Он знал, что в этом бою до утра доживут немногие...

– Надо держаться, сколько сможем! – ответил за всех ротный.

– Надо держать их, – эхом отозвался командир разведчиков.

– Будем держаться! – подытожил комбат, – а если совсем припрут, вызовем на себя артиллерию, и те, кто уцелеют, пусть пробиваются к реке.

Решение было принято. И неожиданно стало легко-легко на душе. Комбат прошел много войн. Вышел живым из многих переделок. Выиграл десятки боев. Воевал жестко, расчетливо. Он верил в свою счастливую судьбу, в удачу. И они не оставляли его. Но сейчас он ясно понимал, что уцелеть, остаться в живых на этой высоте не судьба...

Больше не было «вчера» или «завтра» – оставалось только здесь и сейчас. И эта цельность давала какую-то странную свободу. Он больше не был ни сыном, ни мужем, ни отцом. Все это осталось где-то там, далеко за этой проклятой высотой. Осталось тем, кто прорвется сюда к ним, кто вынесет их отсюда, кто вернется домой и будет жить за них, оставшихся в этом бесконечном «сегодня». Теперь он был только воином.

А в жизни воина бывает миг, когда война из тяжелой, страшной работы становится просто принятием смерти...

– По местам, мужики! – скомандовал комбат, – и пусть каждый выполнит свой долг до конца.

* * *

104-й полк, как и вся Псковская дивизия, в последние годы все чаще оказывался «на передке», в самых горячих местах. Когда разваливалась страна, псковские десантники появлялись на линиях разлома, пытались своими руками, а очень часто и телами, сцепить разъезжающиеся и распадающиеся конструкции Державы. Останавливали вражду и кровопролития, защищали людей от бандитов и политиков-маньяков, вставляли стеной на границах, Ош, Баку, Спитак, Вильнюс в январе 91-го, а потом Таллин в августе. Потом Абхазия, Осетия, Приднестровье, Косово. В прошлую чеченскую войну полк потерял тридцать шесть человек. В эту кампанию полк прошел с боями из Дагестана в Ичкеррию, выбил из Гудермеса Гелаева, по второму разу взял Аргун, потом марш на Шали и Ведено.

* * *

В третью атаку они уже просто пошли волнами. В полный рост, не пригибаясь. Их гнало безжалостное время. Шел второй час ночи.

– Аллаху акбар! – ревели сотни глоток. Серый вал накатывался на позиции роты. Трещали, захлебываясь злобой, автоматы. Ухали разрывы. Но рота не отвечала. Десантники ждали, когда боевики подойдут в упор. Слишком мало оставалось патронов, чтобы тратить их впустую.

«Аллаху акбар!» – накатывалось на высоту. И вот, когда уже людской вал был готов захлестнуть вершину, окопы густо ощерились огнем. Кинжальный огонь был страшен. Очереди буквально выкашивали нападавших, рвали, распинали на камнях тела. Опустошали цепи. Под ноги уцелевшим полетели чугунные шары гранат. Все утонуло в грохоте разрывов. И «чечи» не выдержали. Цепи остановились, залегли и, не находя укрытия от пуль, поползли вниз к подножию, к спасительной тьме густого кустарника, оставляя на склоне десятки мертвых и корчащихся в агонии тел.

А на позиции десантников вновь обрушились мины. Воздух взорвался огнем. Всюду господствовала смерть. Одна из мин попала в пулеметное гнездо, разметав в клочья расчет. К пулемету бросился сержант-разведчик, но очередная мина изрубила осколками и его. Спрятаться от этой смерти было нигде. Мины падали из черного ночного зенита, как рок, как проклятье. И каждый, вжавшись в камни, молил лишь об одном, чтобы следующая была не его...

* * *

Володя – сержант в оцеплении. Говорит, что знал погибшего в том бою ефрейтора Александра Лебедева. «Мы с ним должны были дембельнуться вместе. В эту командировку меня не взяли. А его вот взяли. Мы думали, вместе погуляем после службы. Ошалеть можно! Какой был парень! Ты знаешь, что он сделал? Он был в разведке. Перед передним краем «шестерки».

Их там всего было несколько парней и летеха молодой. На них напали сотни две «духов». Долбились жестко. Дозор мешал «чечам» развернуться для штурма высоты. Но с ходу смести

разведку боевикам так и не удалось. Они там гору «чечей» положили на склоне. Дрались до упора. Почти все полегли под пулями, под гранатами. Командир разведвзвода ранен был тяжело. Упал.

А Сашка схватил раненого офицера и потащил его на горбу из-под обстрела. Тут его самого тоже ранило. Но лейтенанта все равно волок к траншее и все продолжал отстреливаться. Так они вдвоем одни и остались на позиции. Патроны кончились. «Чечи» ему говорят, мол, сдавайся, мы тебя домой отпустим к маме, а командира нам отдай, мы с ним за все поквитаемся. А Сашка в ответ им гранату бросил. Потом обнялся с лейтенантом и взорвал себя с ним последней гранатой вместе с «духами»...

* * *

В куцем окопчике раненые, не обращая внимания на обстрел, торопливо набивали магазины патронами. Один – с лицом в промокших черной кровью бинтах – на ощупь находил разбросанные по брезенту плащ-накидки бумажные пачки патронов, рвал их и точными, быстрыми движениями загонял острые «клыки» патронов в магазин. Второй – с перебитой пулей правой рукой, прижимая ее для устойчивости к животу, пальцами левой неуклюже забивал патроны. Третий – с прострелянной, перетянутой жгутом ногой, специальным ножом распарывал очередной патронный «цинк».

Ахнул близкий разрыв. Осколок мины, словно бритвой, срезал два пальца на руке открывавшего «цинк» бойца. Брызнула кровь. Раненый охнул, потянулся в карман за бинтом, но вдруг обмяк и опрокинулся назад. Следующий осколок пронзил сердце – и отлетела солдатская душа...

А санитары подтаскивали к окопчику очередных раненых. Одного, с серым землистым лицом, пузырящегося кровавой слюной в промедоловом дурмане, другого с оторванной по локоть левой рукой.

– Не возьмут, гады! Не сдамся! – рычал он. В правой руке у него была зажата граната. – Пусть подходят! Увидят, как десантура умирает!

Его стащили в окопчик.

– Если что, прижимайтесь, братки, ко мне! – прохрипел он лежавшим и сидевшим вокруг него раненым, – живыми нас они не возьмут!

* * *

В храме у гроба командира роты несколько офицеров. В разной форме, с разными шеvronами. Служат сейчас в самых разных уголках России. В Рязани они учились в одной группе с Александром Доставаловым. Там он был у них зам-комвзводом. Другом и братом остался для них навсегда.

В том бою майор Доставалов командовал ротой. Друзья рассказывают, что слышали о том, как погиб их «замок».

Саша Доставалов командовал шестой ротой шесть лет. Потом стал замом комбата. В ту ночь он был с четвертой ротой. Когда узнал, что шестая рота вступила в тяжелый бой, рванулся к ней на помощь с взводом десантников. Два раза не получилось прорваться через кольцо боевиков. Только к утру Доставалов с несколькими солдатами вышел к высоте. Застал там остатки родной роты. С ней вместе и погиб. Еще во время прорыва Доставалов был ранен, но не бросил колонну, в тыл не ушел. Во время одной атаки боевиков майор опять оказался «на передке». Впереди него осколками посеколо солдата. Боец упал, оружие выронил. Несколько «чечей» рванулись к раненому, чтобы взять в плен. Доставалов бросился вперед, расстрелял двух нападавших, еще двоих уработал в лицо и в живот прикладом автомата и сапогом, отпихнул локтем пятого. Взвалив на плечи десантника, вытащил его с поля боя. Бегом дотащил его до траншеи. На самом бруствере его снайпер взял.

Комбат был тоже ранен, но пуля прошла икру навывлет, и, наскоро перевязавшись, он продолжал руководить боем.

– Эй, командир! – ожила станция, – мы с вами по-хорошему хотели. Но вы нэ понымаеэтэ. Что ж, теперь пощады не проси. Мы будэм вас всех, как баранов, резат. На кусочки, слышишь. Здэс нам амир Хаттаб. Он приказал из твоей собачьей шкуры сделать ему пояс. И я мамой клянус, сделаю это!

Комбат поднес микрофон к губам:

– Послушай, свинья! С тобой говорит комбат воздушно-десантных войск России, мы стоим, стоим и будем стоять на этой вершине. И пока мы живы, вам ее не взять. А что касается баранов – так их уже несколько сотен валяется на склонах. Некому собирать. А сколько еще будет – спроси у своего Аллаха. Рассвет уже близок. Тебе нужна моя шкура? Приди и возьми, если ты такой смелый. А Хаттабу своему передай, что русские десантники не сдаются. Пусть это вспомнит, когда подыхать будет!

– Я иду к тебе!.. – взвизгнули было наушники, но комбат уже сорвал их с головы.

В окоп спрыгнул ротный.

– Ну, как у тебя?

– Плохо. Минометы... Двадцать убитых, вдвое больше раненых. Из них половина тяжелых. Все, кто могут автомат держать – в строю. Но с боеприпасами – труба. По три магазина осталось на человека. У «пэкаэмщиков» по триста – пятьсот патронов. У «граников» на трубу по две гранаты и ручных полторы сотни. До утра никак не хватит.

– Аллаху акбар! – донеслось с подножия высоты. Боевики пошли в очередную атаку...

* * *

Майор с почерневшим лицом и страшными мешками под глазами. Курит чуть поодаль от катафалков. Рассказывает, что вернулся из Чечни вместе с убитыми товарищами. Кашляет, с трудом заставляя себя говорить: «Десантники не отступают и не сдаются. Никогда, понимаешь! Что бы ни говорили, у шестой роты не было выбора. Они не могли не принять бой. Не могли оставить позицию. Это «духи» от десантуры бегают по всей Чечне, десантники от «чечей» не бегают никогда».

* * *

Только с пятой атаки, почти под утро, «чечи» ворвались на высоту. Уже давно навсегда уткнулся в землю лицом ротный, пал от пули снайпера лейтенант-разведчик. Закончились выстрелы к гранатометам, и на каждого из оставшихся в живых десантников осталось по полрота патронов.

– Прощайте, братцы! – Николай из Смоленска перекрестился и, встав в полный рост, бросился на подбегавших боевиков. С пояса расстрелял остатки патронов, завалив несколько «чечей». С размаху, как в родной деревне вилы, по самый ствол загнал штык в грудь набегавшего боевика и, поддев его, словно сноп, швырнул в сторону распоротого умирающего. Еще успел заметить, как откуда-то сбоку, из-под руки, выскочил тщедушный «дух». Крутанулся в его сторону, перехватил автомат, как дубину, и обрушил ее на голову боевика. Но как хрястнула раскалывающаяся черепная коробка он уже не услышал. Длинная очередь в упор развалила грудь горячим свинцом. И отлетела солдатская душа.

– Мужики, двум смертям не бывать, а одной не миновать, – крикнул оставшийся за ротного старший лейтенант, – в штыки! Пусть запомнят, ...как десант умирает!

– Ура! – грозно грянуло над высотой.

– Аллаху акбар! – ревели склоны.

* * *

На руках гробы проносят через площадь, погружают в военные грузовики временно ставшие катафалками. Погребенные под горами цветов и венков, зеленые грузовики, медленно пробираясь через толпу, выезжают из ворот Кремля. Свинцовое псковское небо, с тоской взрывающееся на процессию, не выдерживает и разражается проливным дождем. Плачут матери, бьются лицом о холодный, сырой алый креп «цинков»: «Соколик ты мой ненаглядный, как же тебе больно было, какую же ты муку принял, на кого же ты нас покинул...»

* * *

Сержант татарин метнулся в самую гущу боевиков. Там, вертясь волчком, расстрелял последний магазин. Коротко, точно ужалив штыком в грудь одного боевика, достал шею второго. Третьему, набегавшему на него здоровенному бородатому арабу, он вогнал штык в живот, но выдернуть его не успел. Араб дико завизжал, рухнул на колени и в предсмертном ужасе судорожно ухватился ладонями за ствол, не давая вытащить из себя лезвие штыка. Татарин изо всей силы рванул автомат на себя, но араб, как приклеенный, хрипя потянулся за ним. Матерясь, татарин уперся ногой в грудь араба и, наконец, рывком скинул того со штыка. Но распрямиться не успел. Длинное узкое жало кинжала, пронзив лопатки, вышло из груди. И он удивленно, растерянно посмотрел вниз на торчащую из-под сердца сталь, попытался вздохнуть, но земля вдруг ушла из-под ног. И он упал навзничь, глазами уткнувшись в черное беззвездное небо, куда казанским голубем плеснула солдатская душа.

Убивший его боевик, судя по кобуре «стечкина» на поясе – командир, коротко, зло обтер кинжал о рукав куртки и, перешагнув через мертвое тело, огляделся.

– Комбата мне живым взять! – рявкнул он охранявшим его нукерам. У ног хрипел, бился в агонии проткнутый штыком араб. Чечен поморщился. Потом взвел ударник «стечкина», приставил его к затылку араба.

– Аллах акбар! – коротко произнес он и нажал на спуск. Ахнул выстрел. Араб дернулся и обмяк.

Смерть эта на мгновение отвлекла внимание охраны, и в это время из полыхающей огнями очереди предрассветной хмари вырисовалась крепкая фигура. Охрана вскинула автоматы, но было поздно. Длинная очередь в упор разорвала командира. Сломала его пополам и швырнула на тело убитого им араба.

– Идрис! – буквально взвыли боевики. Но сразу достать его убийцу не удалось. Он еще успел завалить бросившегося на него начальника охраны и хохла-радиста. И только когда у него закончились патроны, чья-то очередь наконец достала уруса. Уже мертвого, его долго и остервенело рубили кинжалами, в бессильной ярости вымещая на мертвом теле злобу и отчаяние. Но лейтенант всего этого уже не чувствовал. Душа его, уже свободная от смертной боли, в далеком от этой страшной высоты доме, склонилась над детской кроваткой, где вдруг безутешно заплакал во сне его сын.

Лейтенант Дмитрий Кожемякин командовал разведчиками на восточном скате высоты. Прикрывал фланг шестой роты. Разведчики отбили четыре лавинные атаки боевиков. Бандиты надеялись смять группу Кожемякина, ударить во фланг роты, сбросить десантников с высоты. Но выше гор могут быть только герои; десантники остались стоять на высоте, а бандиты откатывались вниз, усыпая своими телами склоны. Последняя атака оказалась последней и для лейтенанта. Уже раненный, Кожемякин вытащил из-под пуль раненого разведчика, прикрыл его собой и принял в себя пулю. Всего полгода прослужил лейтенант в дивизии. Летом, когда начиналась эта война, он только окончил училище и получил офицерские погоны.

– Аллаху акбар! – радостно взревел боевик, запрыгнувший в окоп, где лежали раненые урусы. Рванул из-за пояса кинжал. – Сэйчас шашлык из вас нарежем! Казбек! Аслан!

И здесь до его слуха донесся до боли знакомый, страшный щелчок отлетающей от гранаты чеки. Подчиняясь инстинкту, он рванулся из окопчика, но чьи-то руки ухватили его за ноги, прижали к земле. И тогда он завизжал в смертном ужасе. «Раз, два, три...» – механически отсчитывало сознание. И мир утонул в испепеляющей вспышке. А в далеком Пскове, в обычной двухкомнатной хрущевке, вдруг надрывно завыл старый пудель, почувствовавший легкую, невесомую руку молодого хозяина...

– «Сотый», я «Стилет», боеприпасы кончились. «Духи» ворвались в траншеи. Весь огонь на меня! Повторяю, весь огонь на меня! Не жалейте снарядов. Прощайте, мужики! Слава России! Огонь!

Капитан – артиллерийский корректировщик, бросил трубку на бруствер. Потом, не торопясь, расстрелял станцию. На дне окопа догорали радиотаблицы и карты. Все.

Он залег рядом с отстреливающимся комбатом и, подпустив набегавших боевиков поближе, короткими точными очередями начал распинать их на камнях.

– Эй, собаки, я комбат вэдэвэ! Попробуйте меня взять, псы! – крикнул во всю силу легких комбат, отвлекая, вытягивая на себя боевиков. Давая хоть какой-то шанс тем немногим уцелевшим, кого еще не нашли, не достали «чечи».

Комбат отстреливался. А сам про себя считал: «...двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Ну когда же, когда? Тридцать, тридцать один...» Первая пуля попала комбату в правое плечо, и он выронил автомат. Но тотчас подхватил его вновь и, кривясь от боли, уже не прицельно дал очередь. Вторая пуля попала в левый бок. Третья пронзила сердце. И уже умирая, он гаснущим сознанием успел услышать знакомый шелест подлетающих снарядов. И улыбнулся ему холодеющими губами.

А потом душа русского комбата тихо отлетела ввысь. На Божий суд, где ему предстояло по-солдатски мужественно ответить праведникам, за что он бился и за что принял смерть. И душа его не боялась этого суда.

...По руслу реки, шатаясь от усталости и ран, отходили его уцелевшие солдаты. Шестеро из девяноста...

* * *

Что бы ни говорили, жива советская гвардия. Доказательство тому – подвиг псковских гвардейцев-десантников. Когда-то, во время Великой Отечественной войны, 157-я стрелковая дивизия, от которой ведет свою родословную 76-я псковская воздушно-десантная, попала в окружение. С боями вырвалась из окружения лишь сотня бойцов. Тогда эти бойцы вынесли с собой свое боевое знамя. Раз знамя сохранилось – дивизию не расформировали. Потом это знамя с честью прошло по России. Дивизия освобождала Чернигов, поэтому она и называется Черниговской. За освобождение Бреста дивизии присвоено звание Краснознаменной. Под Улус-Кертом рота псковских гвардейцев-десантников еще раз подтвердила честь и доблесть гвардии. Гвардейцы умирали, но не сдавались.

Отгремели ружейные залпы над свежими солдатскими могилами в псковских Орлицах. Кладбище приняло в себя героев. Опрокинуты поминальные граненые стаканы, выплаканы слезы. Это было только вчера. Сегодня я иду по расположению дивизии в Пскове. С плаца громом доносится бой барабана и мерная дробь сотен солдатских сапог. Над марширующими колоннами разносится песня гвардейцев. «Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный, десятый наш десантный батальон». На плацу готовят к Присяге новобранцев. Псковичи, вологодцы, тверичане, новгородцы и ленинградцы – восемнадцатилетние парни, занимают место в поре-

девшем строю воздушно-десантной дивизии. Новенькая форма мешками неуклюже висит на угловатых фигурах. Пройдет несколько месяцев – и они станут такими же грозными и сильными, как те, кто принял бой под Улус-Кертом. Пока будущая шестая рота учится ходить строем. Мотать портянки, с трепетом впервые мальчишеские руки берут оружие.

Казарма второго батальона – новое трехэтажное здание из серого кирпича. Сейчас здесь пусто, двери опечатаны. Но скоро здесь появятся новые солдаты, те, что топчут сейчас плац. В «располаге» запахнет солдатским потом, сапогами, оружейным маслом, разнесется по гулким сводам грохот тяжелых ботинок, лихая брань и шутки, короткие выкрики команд. На доске ротной документации появятся новые фамилии солдат и командиров. И значит, шестая рота жива. Смерти нет, ребята!

ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЯМИ

Почти весь март над Псковом звучал погребальный звон. В начале месяца хоронили 25 спецназовцев, погибших в Чечне. И вскоре новое горе: ребята из 104-го десантного полка Псковской дивизии ВДВ (84 человека) мужественно погибли в бою с боевиками в Аргунском ущелье. 6-я рота оказалась на острие прорыва банды Хаттаба и Басаева, которая в 20 раз превышала численность десантников. Из всей роты в живых остались лишь шестеро, но и они были тяжелоранеными.

Архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий назначил заупокойную службу в одном из древнейших на Руси соборов Святой Троицы. Здесь находятся мощи преемника боевой славы князя Александра Невского – князя Довмонта (в монашестве Тимофея), который за все 33 года своего княжения не проиграл ни одной битвы. Примерно каждый третий из 6-й роты – родом из Пскова или Псковской области. Над многими телами надругались, и чтобы их опознать, понадобилось время. В храме Святого Александра Невского – домово́й церкви Псковской дивизии – вывешены списки погибших. Протоиерей Олег Тэор хочет сделать так, чтобы имя каждого воина было выбито на каменных храмовых плитах. Двадцати двум из них посмертно присвоено звание Героя России, остальные награждены орденами Мужества.

– Мы постоянно молимся и скорбим о погибших, – говорит отец Олег Тэор. – Но вместе с тем мы знаем, что они погибли геройски, выполняя свой воинский долг. Им предлагали сдаться, предлагали измену, но они остались верными воинскому завету, что десантники не сдаются. Многие из них до отправки в Чечню крестились, приходили в этот храм, брали благословение, исповедовались.

Псков – это земля Александра Невского. Здесь протекает река Великая и сохранились древнейшие в России соборы и монастыри. Один из полков 76-й дивизии год назад добился права носить имя святого князя. Здесь в войсках сохранился особый дух. Погибший десантник Алексей Воробьев написал в своем дневнике: «Мои предки были связаны с каждой войной, воевали за интересы России, за волю, за Веру, Царя и Отечество. Не стыдно ли им будет за меня, за мои поступки, ведь я их продолжатель? Это дает мне силы». Люди здесь переносят горе мужественно и стойко...

Проводить погибших воинов в последний путь из Москвы прибыл чудотворный образ Царя-Мученика и Страстотерпца Николая II. В Псков его доставили члены Союза Архангела Михаила, летевшие с командующим в одном самолете. Во время панихиды в Свято-Троицком соборе образ находился справа от Царских Врат. Он известен в православном мире как миро-точивый, чудотворный. Верующие Пскова его прибытие восприняли как большое утешение в горе...

Эти дни прощания с погибшими в Чечне десанниками нам еще предстоит осмыслить. Впервые за много лет зазвучали всегласно и гордо слова о мужестве, подвиге, героизме. Возродилось понятие «защитать Россию», «умереть за Россию». Панихида в Москве, отслуженная Патриархом в присутствии главы государства по погибшим десанникам, придала этому событию общегосударственное значение. В минуты скорби власть духовная и светская должны быть едины. По крайней мере, так должно быть в России, тысячелетняя история которой держалась на сильной Армии, Государственности и Православии.

2000 год

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОГИБШИМ ВОИНАМ!

Гвардии рядовой Александров Владимир, сержант Алексеев Геннадий, гвардии рядовой Амбетов Николай, сержант Андреев Виталий, рядовой Андреев Юрий, гвардии старший сержант Арансон Андрей, гвардии рядовой Архипов Владимир, гвардии младший сержант Афанасьев Роман, гвардии рядовой Бадретдинов Дмитрий, младший лейтенант Байгатов Владислав, гвардии младший сержант Бакулин Сергей, гвардии рядовой Белых Денис, гвардии рядовой Берестнев Михаил, гвардии рядовой Бирюков Владимир, гвардии рядовой Богданов Андрей, капитан Боченков Михаил, младший сержант Брыкалов Петр, гвардии рядовой Брюхов Дмитрий, гвардии младший сержант Васильев

Сергей, гвардии рядовой Васильев Алексей, прапорщик Васильев Сергей, гвардии рядовой Вориводин Александр, гвардии старший лейтенант Воробьев Алексей, гвардии рядовой Воробьев Алексей, гвардии ефрейтор Гердт Александр, капитан Голиков Филипп, гвардии старший лейтенант Гонин Николай, рядовой Горбатов Алексей, капитан Горбачев Владимир, рядовой Готошия Гиви, гвардии сержант Григорьев Дмитрий, рядовой Григорьев Михаил, гвардии рядовой Грудинский Станислав, гвардии рядовой Гуликеев Рашит, гвардии майор Доставалов Александр, старший сержант Дудин Евгений, гвардии младший сержант Духин Владислав, гвардии рядовой Евдокимов Михаил, гвардии подполковник Евтюхин Марк, сержант Егоров Владимир, рядовой Егоров Михаил, гвардии младший сержант Елисеев Владимир, гвардии рядовой Ердяков Роман, гвардии лейтенант Ермаков Олег, рядовой Жидик Михаил, гвардии младший сержант Жуков Сергей, гвардии рядовой Загораев Михаил, гвардии рядовой Зайцев Андрей, гвардии рядовой Зинкевич Денис, гвардии младший сержант Иванов Андрей, гвардии рядовой Ивацов Дмитрий, гвардии рядовой Иванов Сергей, сержант Иванов Юрий, гвардии рядовой Иванов Ярослав, гвардии рядовой Ивашин Александр, гвардии рядовой Изюмов Владимир, гвардии рядовой Исаев Александр, гвардии младший сержант Исаков Евгений, гвардии рядовой Ислентьев Владимир, капитан Калинин Александр, гвардии рядовой Кенжиев Амангельды, старший сержант Кириков Андрей, гвардии рядовой Кирьянов Алексей, гвардии рядовой Кобзев Александр, гвардии лейтенант Кожемякин Дмитрий, старший сержант Козлов Владимир, гвардии младший сержант Козлов Сергей, лейтенант Кокарев Александр, гвардии старший лейтенант Колгатин Александр, гвардии сержант Комягин Александр, рядовой Кондратьев Алексей, гвардии рядовой Коротеев Александр, рядовой Костюков Алексей, гвардии младший сержант Кривушев Константин, гвардии младший сержант Куатбаев Галим, гвардии сержант Купцов Владимир.

ПИСЬМО

1

Дроздов не мог привыкнуть к гаубицам. Даже бьющий скорее по нервам, чем по ушам протяжный звук залпов «ГРАДа» не так на него действовал, как эти тяжкие ухающие выстрелы. Голова непроизвольно втягивалась в плечи, туловище само собой сжималось и оставалось в таком положении, пока грохот уносящегося вдаль снаряда не затихал, напоследок возвестив о себе едва слышимым всплеском далекого разрыва.

– Не бойсь, сынок, это пока еще не по тебе панихида, – с ухмылками прошли мимо, неся перед собой на согнутых руках по несколько буханок хлеба двое контрактников. – Наберут детей на войну, а сопли утирать... – Дальше Дроздов не расслышал – подошла его очередь получать первое.

– Заснул... какая рота?! – кричал, стоя на металлической подножке походной кухни, нарядчик с черпаком в руке.

– Вторая, я из дозора, на двоих человек. – Дроздов подал котелки.

– Из дозора?.. На, держи, поешь напоследок. Сегодня ночью «духи» к тебе в гости придут, яйца резать, завтра петухом запоешь. – Нарядчик издевательски заржал.

Дроздова передернуло, схватив котелки со шами, он поспешил к следующему котлу за вторым. Здесь «банковал» сам повар, «дед» – сержант. Каши с тушенкой в поданные крышки от котелков он положил явно мало. Дроздов не отходил.

– Чего встал, разводягой по лбу захотел? Двигай дальше, нечего очередь задерживать! – Повар кривил красное лицо в угрожающих гримасах.

Дроздов бросил исподлобья недобрый взгляд и нарочито неспешно отошел.

– Чего зыркаешь?!. Сейчас слезу, по горбу наступчу... салабон! – ругался ему вслед повар, принимая следующие крышки от котелков.

Даже прослужив шесть месяцев, Дроздов и его одно-призывники вновь оказались самыми «молодыми» в полку. Еще во время боев в Дагестане погибло несколько «молодых» из Татарии, и по этому поводу подняли шум... В общем, когда начались бои в Чечне, прослуживших менее полугода в боевых подразделениях уже не было. Таким образом, молодость «черпаков», солдат, прослуживших по шесть месяцев, продлилась еще на полгода. А это означало, что основная тяжесть службы опять ложилась на них: наряды, тяжелая грязная работа – разгрузки-погрузки, рытье траншей и окопов... Не контрактники же всем этим будут заниматься, не «деды», даже «годки» имели некоторое моральное право увильнуть.

В Дозоре, муторном суточном дежурстве на выдвинутом за позиции батальона посту, тоже, в основном, службу несли «черпаки». Нагруженный обедом, Дроздов уже собирался идти на свой окопный пост, где его ожидал напарник, когда к нему подбежал Галеев. Одно-призывник Дроздова, он по штату числился в их взводе, но, благодаря умению писать плакатным пером и немного рисовать, сумел пристроиться при передвижном полковом клубе. В руках у клубного работника белела пачка конвертов. Они были в неплохих отношениях, и Галеев обратился к нему по-свойски:

– Толян, тебе письмо, толстое, с фоткой, наверное. От бабы?

– Сунь в карман. – Дроздов подставил бок, отводя руку, занятую котелками.

Галеев сунул твердый конверт в карман бушлата и побежал дальше раздавать почту.

«От бабы... какой бабы, у меня и бабы-то никакой нет», – тоска от предчувствия охватила его, когда он мельком увидел адрес, написанный материнским почерком. Толщина конверта подсказывала, что мать, узнав, наконец, куда «загрел» ее единственный сын, разволновалась, расплакалась... вот и накатала. Что-то, а писать-то она умеет, как-никак более двадцати лет русский и литературу в школе преподает. Дроздов, словно ощущая тяжесть материнских слов в своем кармане, сгорбившись как старик, шел вверх по склону пологой горы, мимо КУНГов, палаток... В одной из палаток контрактников шел гудеж. Там располагались батальонные разведчики, они единственные в полку «соприкасались» с противником почти ежедневно. Им многое позволялось: они обращались с офицерами до майора включительно на ты, у них всегда были спиртное и план ... они несли самые настоящие потери... убитыми и ранеными. В палатке наверняка находился и Лунев, тридцатидвухлетний разведчик, воевавший и в Афгане, и в первую чеченскую. Лунев тоже пензенский, земляк, у него Дроздов пару раз просил заступничества, когда двадцатилетние «старики» чрезмерно его «напрягали».

Зона ответственности их взвода, это примерно двести метров на склоне горы, являющейся господствующей высотой, которую оседлал дивизион «ГРАДа». Дальше, до следующей высоты, где базировались самоходки, были позиции других взводов, рот и батальонов полка. Перед пехотными подразделениями стояла задача не допустить «духов» в тыл, на позиции артиллеристов, которые в этой, пока еще очень контактной, войне были главными действующими лица-

* План – так на Кавказе и юге России называют наркотики из конопли – анашу (марихуану).

ми. Именно они, выдавливая огнем не обладавшего тяжелым вооружением противника с позиций, вынуждали его отступать все дальше, в глубь Чечни, к Грозному. На следующем рубеже все повторялось: захват господствующих высот, артиллерийский прессинг, разведрейды...

Дроздов прыгнул в траншею хода сообщения и, пригнувшись, пошел по нему к посту.

– Что так долго?! Тебя только за смертью посылать!.. Что там на рубон? – В углу окопа полулежал на разостланной шинели Бедрицкий, крупный, но рыхлый уралец.

– Щи и каша рисовая.

– А третье?

– Кисель.

– Каши чего так мало?.. Тебя всегда нажмут!

– Сам бы шел! – беззлобно огрызнулся Дроздов и стал очищать полбуханки хлеба от попавшего на нее окопного мусора.

– Разве это жратва... – привычно запричитал Бедрицкий. – Сволочи... На смерть, гады, посылают, а ни мяса, ни свежатины... осень вон стоит, фрукты везде, а тут концентратами давят... войю за них...

Дроздов, не реагируя на скулеж напарника, начал хлебать еще горячие щи. Ел не спеша – он оттягивал момент начала чтения письма, ибо не сомневался, что сильно расстроил мать, и она наверняка об этом написала. Но Бедрицкий все же раздражал. Тоже деятель, разнылся, слушающий тут его. Дроздов и сам бы с удовольствием поплакался, посетовал на свою несчастную судьбу, ему тоже здесь все противно. И не столько кормежка, «деды», прапор взводный, постоянные подкалывания контрактников, грязь, борьба со вшами, сны о теплой бане, а в первую очередь, конечно, постоянная смертельная угроза, именуемая кем как: «духи», «чехи», «черные», «звери». Да и вся обстановка: ненависть местных жителей, беженцев, без труда читаемая во взглядах страшных старух, злых женщин, звероватых мальчишек... эти горы, каменистая, едва поддающаяся лому и кирке почва, сырой холод по ночам, после относительно теплых дней... Здесь, на юге, в этой горной степи он мерз так, как никогда не мерз у себя в Пензе, не спасали ни бушлат, ни уже выданное зимнее белье.

Тем не менее, простуда почему-то не приставала, на что так рассчитывал Бедрицкий, да и Дроздов не отказался бы улечься в санчасть или, еще лучше, в госпиталь во Владикавказе, где и перекантоваться как можно дольше. А там... там, может, или война кончится, или еще какая-нибудь лазейка откроется... только не сюда, не на передовую. Бедрицкий даже интересовался у фельдшера, что будет, если полежать на земле без бушлата. Дроздов предпочитал, чтобы все произошло само собой, без нанесения серьезного ущерба здоровью. Хотя, кто знает, что здесь лучше: здоровье сберечь, или... жизнь. С другой стороны, солдат срочной службы старались под огонь не посылать. За все время, что полк продвигался от границы с Ингушетией, потери были в основном у контрактников: восемь убитых и более двух десятков раненых. Из срочников погиб только один, да и то не в бою: связист наткнулся на противопехотную мину, не замеченную саперами. Зато больных, «косящих» под больных и прочих «шлангов», под различными предложениями отправляемых в тыл, было предостаточно. В общем, статистика пока была обнадеживающей.

Щи были недосоленными, каша чуть теплой, а кисель несладким. Впрочем, Дроздов уже привык в армии есть, не получая удовольствия от пищи. Как-то, еще в самом начале так называемой «контртеррористической операции», в полк приехал командующий группировкой и, увидев, что солдат кормят перловкой, раскричался, пообещав разогнать всю тыловую службу. После того ни перловки, ни сечки, ни овсянки в рационе не было, но и рис, и гречка, и пшенка, приготовленные неумелыми полковыми поварами – теми же солдатами срочной службы, были не намного вкуснее.

– Не, так дальше жить нельзя. – Бедрицкий в сердцах бросил ложку, и она звонко стукнулась о дно котелка. – Тут если «духи» и не подстрелят, так желудок точно накроется... Когти надо рвать, пока не поздно. Как думаешь?

Подобные разговоры напарник заводил не впервые, и Дроздов отреагировал довольно вяло:

– Никак не думаю.

– У тебя что, кочан вместо головы?!

– Ну, а ты что думаешь... в плен, что ли, сдать? – вновь огрызнулся Дроздов, начиная мыть котелок, черпая воду из зеленого бачка-термоса.

– Ну, ты совсем дурной пацан... Этим разве можно сдаваться. Это если бы с американцами или англичанами воевали, – мечтательно закатил глаза Бедрицкий. – Тем любо-дорого сдать, у них в тюрьме лучше, чем у нас на воле. А этим зверям... ислам заставят принять, издеваться будут, не-е... Я вот чего... слушай. – Бедрицкий понизил голос и опасливо обернулся, хотя ближайший пост находился метрах в трехстах, и к ним даже по ходу сообщения невозможно было подойти незамеченным. – Как думаешь, если в ладонь себе стрельнуть, это больно?

Дроздов выплеснул воду из котелка за бруствер.

– У тебя что, крыша съехала... себя калечить?

– Так ведь наверняка комиссуют или в госпиталь надолго ляжешь. А война эта на год, а то и больше. Десять раз убьют. До Грозного дойдем, штурмовать придется. Там одними контрактниками не обойдутся, и мы пойдем... А это хана. Там они нас с подвалов, с чердаков мо-

чить будут.

Мужики, что в прошлый раз воевали, говорили, что там батальон за сутки выбивали. Нет, ты как хочешь, а я до Грозного тянуть не хочу, хоть как, но свалю отсюда.

– Дурак, за членовредительство судить будут. И искалечишься, и в дисбат загремишь. – Дроздов тщательно отмывал скользкую после киселя кружку.

Дроздов не принимал всерьез заявлений Бедрицкого, тот, чем ближе к вечеру, заводил подобные разговоры, постепенно скисая, и к темноте уже ничем не напоминал человека, решившегося на самострел, а скорее побитую, смертельно напуганную собаку. Он всегда шел в дозор в паре с Дроздовым, зная, что тот никогда не проболтается о животном страхе, заставляющем его с наступлением темноты забиваться в угол окопа и всю ночь дрожать мелкой дрожью.

Сплошной линии обороны здесь не было. В обязанности дозорных входило вовремя заметить противника, поднять тревогу по телефону или, открыв огонь, вызвать подкрепление. Правда, на этом рубеже до столкновений пока не доходило. Будучи обнаруженными, боевики сразу же отходили в «зеленку», не желая принимать бой на открытом пространстве.

Вот-вот должно начать темнеть, и надо было спешить с чтением письма. Дроздов вздохнул и достал помявшийся в кармане конверт. Увидев его, Бедрицкий встрепенулся:

– Что, почта была?

– Да, вот письмо от матери получил.

– А мне... мне не было?

– Не знаю, Галеев вот сунул... больше ничего не сказал. Нет, наверное, он же знает, что ты со мной в наряде.

– Что они там, суки, вола за... тянут. Обещали же... Тут каждую минуту под смертью, а они там... сволочи.

Бедрицкий, как и Дроздов, рос в «неполной» семье, без отца. Но у матери, универсаговской продавщицы, по его словам, всегда были хахали, и нынешний, со связями, обещал помочь.

Дроздов разорвал конверт и вынул пачку сложенных вдвое тетрадных листов, исписанных знакомым округлым почерком.

2

«Толенька, сынок, здравствуй. Наконец-то дождалась от тебя письма. Пиши как можно чаще, что бы ни случилось. Господи, ты все-таки попал в это пекло. За что такое наказание? И без того я всей жизнью наказана, тебе-то за что? Видно, весь род наш невезучий. Прадеда твоего кулачили, а богаче его не трогали, деда на войну с язвой забрали, а его друзьям здоровым бронь сделали, он в могиле давно, а они, некоторые, и по сей день живы и здоровы.

Прости, сынок, понесло меня, но не стану зачеркивать, рвать и новый лист начинать, боюсь, остановлюсь и потом уже не смогу написать все, что хочу, духу не хватит. Ты прости меня, Толя, что не сумела тебя от армии уберечь. Клянусь себя за дурацкую стеснительность мою. Господи, ведь у матери на первом месте должно быть ее дитя, а все остальное – ерунда, чушь, мишура. Ведь знала, что новая война с чеченцами неизбежна, но думала, что еще не скоро и ты успеешь отслужить. Забыла, что мы все невезучие, на авось понадеялась...»

Начался обстрел. Работал «ГРАД» с вершины горы. Воюющие искрящиеся снаряды пронеслись над головой и отзывались эхом разрывов где-то за «зеленкой». Продолжавшийся минут пятнадцать обстрел прекратился так же внезапно, как и начался, видимо, корректировщики сообщили, что «духи» покинули обстреливаемый «квадрат». Тут же над вершинами гор проплыли несколько «вертушек» туда, куда только что летели снаряды.

Содержание письма пока что соответствовало ожиданиям. Дроздов с некоторым усилием вновь заставил себя читать – до конца послания было еще далеко.

«...Могла, могла я тебя, сынок, избавить от призыва, наскрести, занять деньги, к отцу твоему, наконец, обратиться, сунуть кому надо, чтобы болезнь тебе выдумали, многие ведь так поступали. Прости, прости меня, дуру, с принципами моими, будь они прокляты. Тебе, конечно, мои причитания не помогут, но я хочу хоть отчасти искупить свою вину перед тобой. Сейчас, конечно, все от тебя зависит. Толя, сыночек, сделай все, что в твоих силах, но останься жив, вернись оттуда. Прости за все: за то, что рос без отца, детства нормального, даже образования я не сумела тебе дать, прости. Но сейчас надо думать о том, как тебе выжить, и для этого я хочу поделиться своим опытом. Не знаю, поможет ли это тебе, но сейчас это все, что я могу для тебя сделать...»

– Что мать-то пишет? – спросил Бедрицкий, пытаясь сосредоточиться на мытье посуды.

– Да так, переживает, – не отрываясь от письма, ответил Дроздов.

– А моя не переживает... Я уж сколько писем отправил, а она на три письма одним отвечает. Некогда, хахалей своих ублажает, сорок пять уже, а все никак не нагуляется. Плевать ей, что меня тут каждый день угробить могут.

– Не может мать так к сыну относиться, – оторвался от чтения Дроздов.
– Ты мою не знаешь. Я ей на... не нужен. Она мне сколько раз говорила, что я ей всю жизнь испоганил, из-за меня ее замуж никто не взял.
– Все равно не может, – убежденно повторил Дроздов. Он встал, и, осторожно выглянув из-за бруствера, убедился, что все вокруг спокойно, хотя и без того днем активности от «духов» было ожидать трудно. Он сполз назад, в окоп, и возобновил чтение.

«...Прошу тебя отнестись к тому, что расскажу дальше, серьезно, это может тебе пригодиться. Ты ведь знаешь, что я училась в Краснодаре, в пединституте. Там работала старая знакомая твоей бабушки, она и помогла мне поступить. Но то, что меня вместе с несколькими другими выпускницами по распределению направили в Чечню, тогда это была Чечено-Ингушская АССР, я никому никогда не рассказывала. Слухи о тамошних ужасах уже и тогда ходили, но они были настолько невероятны, особенно для меня, приехавшей из Центральной России, что я бы в них никогда не поверила, если бы сама не увидела. В то время отказаться от распределения было почти преступление, и мы поехали в этот райцентр, не хочу даже называть его, там везде, где большинство населения составляли чеченцы и ингуши, творилось то же. Власть же посылала нас, молоденьких девчонок, так же, как в обычный русский город или село. Тогда я сбежала буквально через несколько дней после того, как приехала, не успев даже выйти на работу. Потом имела массу неприятностей, даже диплома лишиться грозили. Позднее я узнала, что пережили мои подруги, там оставшиеся. Те из них, кто не находили чеченцев, которые за постель соглашались стать их защитниками и покровителями, подвергались каждодневным оскорблениям днем, а ночью баррикадировались в общежитии и выдерживали настоящую осаду, потому что к ним постоянно рвались местные джигиты. И все равно насилий многим избежать не удалось, как правило, групповых. А потом женщины-чеченки плевали им в лицо в школе и на улице, а мальчишки, их же ученики, швыряли камнями. Жаловаться, писать куда-то их отговаривала местная администрация, просто запугивали, и они молчали. И вырываясь оттуда, они молчали о своем позоре, молчат по сей день и никогда не признаются.

Тебе трудно в это поверить, и, наверное, ты не понимаешь, зачем я тебе об этом пишу. Потерпи, прочитай все до конца. Только сразу хочу тебя предупредить, чтобы ты не воспринимал чеченцев поголовно как нацию преступников. Просто в чеченской глубинке всегда была такая норма поведения в отношении к русским. Примерно то же можно сказать и обо всех прочих кавказских народах, но чеченцы всегда были «лидеры». А в своих семьях эти ночные насильники вполне могли быть отзывчивыми, вежливыми детьми, заботливыми отцами, мужьями, братьями. Я тебе об этом пишу, чтобы ты, не знающий Кавказа, понял, что представляют собой люди, против которых тебя направила наша проклятая во все времена власть, а я не смогла тебя уберечь...»

Звонок полевого телефона заставил Дроздова вздрогнуть, он машинально взял трубку:

– Слушаю, шестой.
– Это кто, Дроздов? – раздался в трубке сухой насмешливый голос.
– Так точно, товарищ прапорщик.
– Почему в четыре часа доклада не было? – Голос приобрел угрожающий оттенок. Дроздов бросил тревожный взгляд на свои простенькие часы, на которые не позарился ни один «дед». Стрелки показывали уже половину пятого.
– Извините, товарищ прапорщик, запамятовали.
– Я-то извиню, а «духи» как... у них тоже извинения попросишь?! Смотреть в оба, есть разведанные, что этой ночью возможна вылазка диверсионной группы.
– Ясно, товарищ прапорщик.
– Что тебе ясно?! Проспите «духов», они вам бошки поотстригут и мамашам в посылках пришлют!.. Не спать, суки, проверять буду! Понял?!
– Понял, – тихо ответил Дроздов. – Перед ним рисовалась картина: мать открывает посылку...
– Вздвонный звонил... что сказал? – Бедрицкий домывал посуду.
– Чтобы не спали... ночью «духи» полезут.
– А черт... надо же... именно в наше дежурство.

«...Тогда я сумела бежать и вернуться в Пензу. Потом я познакомилась с твоим отцом. Он преподавал физкультуру в той школе, куда я кое-как устроилась. Понемногу все стало забываться, но все же я сама себе дала зарок – больше туда ни ногой. Но, видно, на роду мне было написано пережить то, от чего бежала. Я расскажу тебе то, чего, кроме твоего отца, никто не знает. Лучше бы ты и дальше не знал истинную причину нашего развода, но раз ты там, то должен узнать и это. Тогда тебе исполнилось только три года. Твой отец очень хотел съездить в отпуск на юг. Но мы были еще молодыми педагогами, а все профсоюзные путевки распределяли между ветеранами и имеющими всякие педагогические отличия. Несмотря на мое противодействие, он настоял, чтобы мы поехали дикарями. Почему я не уговорила его поехать в Крым, сама не знаю. Он был такой уверенный, сильный, имел разряд по самбо, и мне так хотелось чувствовать себя за ним как за каменной стеной. Господи, да на какие стены можно наде-

яется на Кавказе, если там даже закон не закон. Тебя мы оставили у бабушки, а сами поехали, сняли в Адлере комнату, а через неделю вернулись, а еще через месяц развелись.

Я знаю, для тебя наш развод всегда был загадкой. Ведь ты не верил моим отговоркам о несовместимости характеров. Но разве могла я тебе объяснить, что тебя отца, а меня мужа лишил Кавказ, нравы, привычки, сложившиеся там? Там всегда насильовали многих отдыхающих, да и не только отдыхающих. Местное русское население вытесняли из их станиц именно посредством «постановки на конвейер» русских женщин. Прибегать к защите закона было бесполезно, там все – от прокурора до последнего милиционера – покупалось и продавалось. Самое большее, что удавалось тем, кто не побоялся огласки, получить какую-то денежную компенсацию с родственников насильников. Но чаще в итоге случалась только огласка, позор. Этнические кавказцы всегда жили богаче русских, и родовая взаимовыручка у них куда крепче – собрать деньги на адвокатов, подкуп судей и свидетелей для них не составляло труда. Потому многие пострадавшие все скрывали.

Мы тоже предпочли скрыть. Это была группа подростков, четыре человека. Они ловили по побережью одиноких отдыхающих. Самбо твоему отцу не помогло, его просто ударили камнем по голове, и он потерял сознание, а мне зажали рот, чтобы не кричала. Мне тогда было двадцать восемь лет, твоему отцу тридцать, а тем лет по пятнадцать-шестнадцать, я таких учила. Кто они были, не знаю, все происходило молча, так что нельзя было определить их национальность, хотя я и слышала, что в основном этим ремеслом на побережье промышляла абхазская и адыгейская молодежь.

Твой отец предпочел исправно платить алименты, чем жить с женой, побывавшей под «черными мальчишками», а объяснил мучениями совести, что не сумел защитить. Но сейчас не время об этом. Господи, я так боюсь за тебя. Почему я тебе не рассказала всего этого раньше? Стеснялась, сынок, да и надеялась, что жизнь никогда не занесет тебя в это проклятое место...»

Где-то справа, на противоположном фланге, вспыхнула перестрелка, сначала автоматная, потом подключились ДШК и гранатометы. Дроздов, оторвавшись от чтения, увидел, что у Бедрицкого начался очередной «вечерний приступ»: наклонив голову, обхватил ее руками, зажал уши и дрожал мелкой дрожью.

«...У кавказских народов, у горских в первую очередь, насилие над женщинами другой нации никогда не считалось преступлением. За насилие над соплеменницей у них по законам кровной мести положена смерть, даже ухаживание, легкий флирт чреват самыми тяжелыми последствиями. Потому они и «отыгрываются» на других женщинах, на тех, за кого некому или не принято мстить. Это является одной из основ их менталитета, в то же время служившей для них щитом от советской уравниловки, национальной обезлички. Они и в советское время при равных условиях были зажиточнее нас, а сейчас легче воспринимают рыночную стихию. Из средневековья проще войти в капитализм, нежели вернуться из нашего «социализма». Ни Российская империя, ни СССР, ни нынешняя Россия для них не являлись и не являются их страной, потому они всегда жили только для своих семей, родов, тейпов. Мы же всегда жили ради государства и заботу о самих себе перепоручали ему, надеясь, что оно нас защитит и накормит...»

Дроздов вновь прервал чтение. Для него, впервые окунувшегося в такие проблемы, многое было непонятно. Прочитанное напомнило случайно услышанный разговор капитана, командира их роты, с каким-то офицером-танкистом. Фраза танкиста сейчас ожила в памяти:

– Когда через Ингушетию проходили, такое желание было все эти их дворцы, «Ауди» и «Тойоты» гусеницами подавить... Суки, золото в Магадане тоннами воруют, жируют за наш счет и над нами же смеются...

И тут же мысли о золоте навели другое весьма жуткое воспоминание о его собственном разговоре с земляком, лихим разведчиком Луневым:

– Видал, земля. – Лунев показывал пригоршню золотых коронок, вырванных где вместе с зубами, где нет. Дроздов в ужасе попятился от контрактника, а тот, удовлетворенно хмыкнув, предложил: – Хочешь со мной, дело стоящее? Вон те развалины разберем, там наверняка многих засыпало, а то мне одному тяжело. – Лунев указывал на остатки больших частных кирпичных домов, по которым, скорее всего, отработали «вертушки».

– Не-е... – мотал головой еще не привыкший к цинизму войны Дроздов.

– Напрасно, земля, солдат на войне должен иметь законную добычу. Так было всегда, иначе, зачем жизнью рисковать. Нам по контракту то ли заплатят, что обещали, то ли нет, а вам так точно ничего не будет. Убьют – это еще не самое страшное, а если, к примеру, калекой останешься, кому тогда ты будешь нужен, а? Подумай... Ты что думаешь, я мародер?.. Я свое беру, то, что они у наших отцов и дедов обманом отняли. У твоей бабки или матери зубы золотые?

– Не знаю, нет, наверное, откуда деньги.

– И у моих тоже, железо с напылением.

А здесь у каждой старухи и старика самое малое по десятку в пасти... чистое золото. Се-кешь? Откуда оно у них, по северам и БАМах они сроду не работали? Все это обман да разбой... Они не мы. Это у нас урка ни отца, ни матери не помнит, а деньги пропьет. А у них –

награбит в России, а потом домой вернется и всех родичей подарками завалит, дом построит, машину купит, зубы из золота отцу с матерью поставит и живет, всеми уважаемый. Понял? Вот они, эти дома, – Лунев вновь кивнул на развалины, – а в подвалах наверняка старики их прятались... У тебя мать училка? Значит, всю жизнь за гроши работала. Вот и представь, то, что ей не доплачивали, у этих в их пастях. Дембельнешься, подарок ей сделаешь. Почему наши матери не могут себе золотые зубы позволить, а эти – запросто, в одной ведь стране жили?..

«...Сейчас по всей России даже женщины молча одобряют эту войну, пока во всяком случае. Слова Путина о том, что изнасилование русской женщины в Чечне превратилось в забаву, вселило, прежде всего в женщин среднего и старшего поколения, надежду, что правительство наконец-то обратило внимание и на эту проблему. Вот только о том, что эта забава продолжается с незапамятных времен, и не только в Чечне, а по всему Кавказу, он не упомянул. Ведь тогда бы пришлось признать, что взаимная ненависть всегда была там частью межнациональных отношений. И то, за чем тебя послали сейчас, сынок, это не что иное, как очередная попытка заставить эти народы жить не своей, а нашей жизнью.

Толя, я тебе все это объясняю, чтобы у тебя не возникло желания мстить. Я знаю, что многие из тех, кто воевал в прошлый раз, именно с этой целью пошли на эту войну. Упаси тебя Бог. Не теряй головы, сынок, ненависть – плохой советчик. У Киплинга в стихотворении «Бремя белых» есть такие строки: «Ты светоч зажжешь ума, чтобы в ответ услышать: нам милее египетская тьма». Это он писал о колонизаторской деятельности англичан в Индии. Англичане, в конце концов, уяснили тщетность своих усилий и ушли из колоний. Увы, наши правители до сих пор не могут понять, что мы существуем в разных эпохах. Даже одетые в европейские костюмы и за рулем иномарок, подавляющее большинство из них душой в средневековье, в «египетской тьме». И не надо навязывать им другой образ жизни, они отвечают на это по-своему, по-средневековому, и платить за «зажжение свечотча ума» уже пришлось мне, а сейчас тебе, таким, как мы, тем невольникам, что сидят в их зинданах.

Толя, не верь во все эти великодержавные призывы правительства, они своих детей никогда не пошлют в Чечню. Как их предшественники-коммунисты оплачивали моей и других простых русских женщин честью внешней лояльностью «гордых народов» к советской власти, так нынешние властители за счет жизни и здоровья наших детей хотят удержать в составе России остатки колоний. Ты у меня на свете один-единственный. Это проклятое государство в такой бедности держало основной народ страны, что даже двух детей иметь для большинства русских семей было проблемой. Зачем нужна такая колониальная система, где метрополия живет хуже колоний, стоит ли из-за нее гибнуть? Я не хочу, чтобы Кавказ лишил меня и сына. Не будет тебя, я не смогу жить. Сынок, сделай все, что можешь и не можешь, но останься жив, хоть как, но останься. Не мсти им, не надо. Толенька, будь осторожен, на рожон не лезь, старайся держаться подальше от опасности, лучше где-нибудь в тылу. Хоть не вызывайся никуда добровольцем. Надеюсь, то, что я тебе разъяснял, удержит тебя от необдуманных поступков.

Но помни – они все нас ненавидят, даже если это и вполне благообразные внешне люди. Не верь им, им их «египетская тьма» всегда милее нашей, российской. Ненависть к нам наследуется ими из поколения в поколение, независимо от них самих, между нами столько крови и взаимных унижений. По-хорошему, мы не должны жить в одном государстве, но до осознания этого в нашем обществе еще очень далеко. Да, обрусели, притерлись к нам многие нерусские народы, Кавказ никогда не притрется. А на равных мы не сможем сосуществовать, всегда будем друг друга унижать, мы на государственном уровне, а они нас на бытовом.

Поэтому, сынок, если избежать столкновения с ними не удастся, то убей, убей без колебаний, убей, но останься жив. Я хорошо знаю их систему воспитания – если не убьешь ты, любой из них убьет тебя, жалость там всегда считалась признаком трусости, слабости, поверь мне, сынок. Остерегайся любого из них, даже женщину, старика, ребенка – они все могут тебя убить. Лучше убей ты, выстрели первым, но останься жив и вернись! Я тебя не призываю мстить, я хочу, чтобы ты остался жив.

Твоя мама.

Р. S. Сынок, как получишь письмо, сразу напиши ответ, мне необходимо знать, что ты его получил. И еще, обязательно сожги его».

Дроздов нащупал в кармане бушлата зажигалку, высек огонь и поджег листы. Они полыхнули неожиданно сильно, едва не опалив пальцы. Он бросил бумажно-огненный клубок и смотрел, как тот догорал, свиваясь в черную золу. День сменили кратковременные сумерки. Впрочем, и в полумраке Дроздов видел хорошо, много лучше, чем любой другой человек с нормальным зрением – его зрение было уникальным. Именно из-за зрения его прямо из военкомата направили в снайперскую учебку. Но там же вскоре выяснился и его несовместимый со снайперской деятельностью недостаток – он не мог плавно нажимать на спусковой крючок, что-то в нервной системе не позволяло. Курок он «рвал», и, несмотря на отличное видение мишени даже в относительной темноте, его пули всегда ложились выше или ниже «десятки». В «яблочко» он попадал только тогда, когда долго целился. Отчислая из учебки, ему объяснили: у снайпера в бою такой роскоши – целиться не спеша – никогда не бывает.

Дроздов выглянул за бруствер и стал смотреть в сторону «зеленки», кустов у подножия горы, откуда обычно появлялась разведка «духов».

– Ты что, дырку в башке хочешь получить?! – со дна окопа крикнул своим лязгающим голосом Бедрицкий.

– Слушай, «Бендер», а ты не хочешь прямо сейчас сделать ноги отсюда? – задумчиво глядя в прежнем направлении, спросил Дроздов.

– Это как... зачем? – Голос Бедрицкого перестал лязгать и выражал крайнее удивление.

– Затем, что надоел ты мне, – спокойно ответил Дроздов и сполз в окоп.

– И куда же ты мне... предлагаешь идти? – Бедрицкий расспрашивал уже с тревогой.

– Да хотя бы в расположение... в палатку... спать.

– Ты че, меня же там как дезертира... а «деды», так точно отмудохают... Если бы ранение какое легкое, в руку или плечо, так, чтобы только кость не зацепить... касательное.

– Давай... я тебя раню, куда хочешь?! – с жутковатой веселостью предложил Дроздов и, схватив лежавший в специальной нише автомат, клацнул затвором. – ...Ну, куда... в руку, ногу, а может, в глаз?! Наверняка комиссуют... подчистую!

– Ты че...! У тебя крыша, да...? Ведь не попадешь как надо... А если искалечишь?! – Бедрицкий в ужасе отполз подальше.

Дроздов сумрачно рассмеялся и положил автомат.

– Ладно, не ссы, трясучка твоя опротивела, сколько можно дрожжи продавать... – пошутил я.

– Не-е... такие шутки не по мне. Тебе что-то мать написала?... Ты после письма какой-то другой стал... Не-е... я так и скажу там, что ты рехнулся, с катушек сошел. – Бедрицкий задом, на четвереньках стал пятиться к ходу сообщения, потом резко развернулся и в полусогнутом состоянии по-обезьяньи собрался было бежать.

– Автомат свой и манатки забери... а то точно отмудохают!

Бедрицкий вернулся, схватил в охапку автомат, бронежилет, подсумок, вещмешок и вновь кинулся прочь – ему казалось, что у него появилась веская причина покинуть передовую.

Темнело быстро. Минут через 15 зазвонил телефон.

– Дроздов?! С тобой все в порядке?!

– Так точно, товарищ прапорщик, за время дежурства происшествий не случилось, – нарочито четко, изображая служебное рвение, доложил Дроздов.

– Как это не случилось... Ты там что устроил, зачем ты этого урода напугал?! Он и без того придурок! – орал в трубку взводный.

– А какая разница, что с ним, что без него, – уже резче отвечал Дроздов. – Все равно от него толку нет, забьется в угол и всю ночь напролет скулит да трясется, сил уже нет терпеть его. Дайте кого другого. Сегодня же «духи» должны ползть, а из него какой помощник.

– Чего ж ты с утра-то молчал, мудака?! Где я тебе, на ночь глядя, замену найду?! Ну, уроды... Один торчать будешь!

– Лучше уж одному, – ответил Дроздов, отлично осознавая, что одного его не оставят, взводный расшибется, но пришлет замену.

Замены ждать пришлось еще минут двадцать, к этому времени стало уже совсем темно и с севера основательно потянул сырой противный ветерок. Новый напарник продвигался по ходу сообщения необычно осторожно, медленно: он нес Дроздову ужин, и это был Галеев, оказавшийся на переднем крае в темное время суток впервые.

– Эй, Толян, слышь?! Это я, Галеев, рубон тебе принес!

Дроздов как-то напрочь забыл об ужине, хоть чувство голода и стало его постоянным спутником. Повесив автомат на шею, кажушийся квадратным в бронежилете, держа в одной руке котелок, а в другой вещмешок, задевая стенки траншеи неловко висящим на ремне оттопыренным штык-ножом, Галеев с шумом, на ощупь, пробирался по ходу сообщения.

– Тебя, что ли, назначили?! – Дроздов с досадой сплюнул. – Что, больше некого было?!

– А кого...? Второе отделение снаряды разгружать увезли. Всю ночь там вкалывать будут. У Кузьменко температура тридцать восемь, у Веньки чирьи, шею повернуть не может, а у меня, как специально, с замполитом конфликт... Уф-ф... Пока шел, раз пять чуть не долбанулся... Кого же сюда добром загонишь, дураков нет, – вздохнул Галеев.

– А ты что же, дурак, значит? – Дроздов наскоро споласкивал ложку, втягивая ноздрями исходящий из котелка запах вареной гречки.

– Значит, дурак... Не ты один. Все мы тут дураки, умные от армии отмазались.

– Тебя замполит прогнал, что ли? (Главного полкового воспитателя все звали по-прежнему, по-советски, замполитом.) – Дроздов спросил с ехидством, приступая к еде.

– Да идет он... – Галеев не знал, что делать с бронежилетом, снимать или нет. Впервые оказавшись в дозоре, он опасался остаться без «панциря», в то же время в нем было без привычки неудобно и тяжело. Рассмотрев лежащий в нише бронежилет Дроздова, он все же решил и стал «рассупониваться».

– Разозлился он на меня, специально наказал... я ему цифровую фотокамеру об камень шарахнул, дорогую, трофейную. Часа два орал, грозил в окопах сгноить... Ну и черт с ним, лучше уж здесь, чем бобиком у него. Тоже мне, ваше благородие, денщика из меня сделал... подума-

ешь, камеру разбил, будто он деньги за нее платил, – чувствовалось, что Галеев хоть и хорохорится, но сильно жалеет о потере «теплого места». – Слышь, Толян, ты мне покажь, что и как, как стрелять, куда стрелять.

– Ты, что же, и стрелять совсем не умеешь? – изумился Дроздов, не донеся ложку до рта.

– Не совсем... Один раз... перед присягой стрелял, еще во Владикавказе, а больше не довелось. Я ведь в клубе все время сидел, плакаты, стенгазеты, фотки делал, писал да рисовал.

– Ну, ты даешь, вояка! – Дроздов облизал ложку. – Обожди, чай допью. Стали пускать осветительные ракеты.

– Ну, наконец-то, давно пора, – с облегчениемотреагировал Дроздов, зажмурившись от повисшего в высоте кратковременного источника света. – Вот смотри, присоединяешь магазин... передергиваешь затвор... планку ставишь на автоматический огонь, или на одиночный... снимаешь с предохранителя... Понял?

– Понял. Ты мне покажи, как целиться.

– Нечего тебе целиться, все равно не попадешь. Меня вот в учебке три месяца учили и то как следует не научили, а ты хочешь со второго раза, да еще ночью в «духа» попасть. Это если он к тебе метров на десять подойдет. Твоя задача сейчас... – Дроздов вдруг задумался и, словно на что-то решившись, хлопнул Галеева по плечу. – А задача твоя следующая. Я буду «духов» высматривать, я и в темноте как кошка вижу, а ты на стреме, понял? Если, не дай Бог, сегодня ползут, ты по моей команде бежишь со страшной силой по траншее вон туда. Там поворот и тоже бруствер насыпан, это запасная позиция. Сейчас ракета будет, я тебе покажу.

– Ага, – с готовностью, даже с каким-то детским азартом смотрел на Дроздова разжалованный клубный работник, воспринимавший пока еще все как игру.

– Как только я дам короткую очередь, тыставляешь автомат за насыпь и начинаешь палить короткими очередями, трассирующими... Вот, я тебе магазин с трассирующими пристегнул... Помни, короткими, нажал на спуск, сосчитал раз-два и отпускай, а то у тебя патроны быстро кончатся. Три-четыре очереди дал и смывайся, метров на десять-пятнадцать отбежал, и снова три-четыре очереди. Голову из траншеи не высовывай, только автомат. Потом еще отбегаешь, и по новой три-четыре очереди. Потом назад. Понял?

– Понял, а куда стрелять-то?

– Ну, ты что, совсем тупой? Туда. – Дроздов махнул рукой в сторону «зеленки».

– Понятно. А зачем все это? Я ведь так ни в кого не попаду, только запарюсь бегавши.

– Так нужно. Ты не бойся, опасности для тебя никакой, главное – морду не высовывай. Над тобой пули свистеть будут, но ты не дрейфь, в траншее ты в безопасности. Только ко мне ближе той насыпи не приближайся.

– Понял. А долго так бегать?

– Пока тревожная группа не прибудет – минут десять. Ты рожки-то менять умеешь? Давай покажу...

Дроздов заметил их сразу, как только они выползли из «зеленки». Их было двое, и они короткими перебежками продвигались от валуна к валуну, в промежутках между пусками ракет. Уже не первый раз на этом участке разведка «духов» появлялась вот так из кустов и, используя множество больших и малых камней, приближалась к выдвинутому вперед посту федералов. До сих пор эти вылазки пресекались взаимно корректно: дозор их вовремя обнаруживал, следовал доклад по телефону, на КП сразу же взывала сирена, резко возрастала интенсивность пуска ракет, и на подмогу спешила тревожная группа. Впрочем, уже одной сирены или даже короткой очереди с поста было достаточно, чтобы «духи» сразу же «усекали», что обнаружены, и, повернув назад, проворно исчезали в «зеленке».

Сейчас Дроздов не доложил, и те двое продолжали перебегать, поднимаясь вверх по склону, все дальше отдаляясь от линии кустов. Метров за сто до поста склон становился почти голым. Дроздов и сотоварищи два дня под прикрытием «пропалывали» этот участок. Лишь несколько каменных бугров, глубоко засевших в почве, сиротливо торчали здесь. Они долго не решались выйти на эту площадку, видимо надеясь, что их все-таки заметят с поста, поднимут тревогу, и у них будет моральное право вернуться в спасительную «зеленку». Но Дроздов на этот раз решил не давать им такого права, и они вынуждены были, собравшись с духом, подавив дрожь и сомнения, идти дальше, туда, откуда вернуться уже было не так просто. Вернуться без веской причины – этого им не позволяли кандалы легендарной кавказской гордости и неминуемое обвинение в трусости – самое унижительное для горца.

– Галей, беги, куда я тебе говорил, только тихо... не надо бронежилета, – шепотом приказал Дроздов.

– А что, уже идут? – сдавленно осведомился Галеев. – Надо позвонить.

– Я лучше знаю, что надо. Беги и, как услышишь мою очередь, начинай палить и бегать с места на место... только не высовывайся и близко ко мне не подходи.

Галеев скрылся в траншее, а Дроздов до боли в глазах всматривался в серый полумрак. Вспыхнула ракета. Двое уже ступили, вернее, вползли на голую площадку. Сейчас при свете они лежали недвижимо, стараясь слиться камуфляжным обмундированием с почвой. Они выглядели неестественно крупными, широкими. Видимо, под камуфляжем у них были длинные, тяжелые «советские» бронежилеты с титановыми пластинами, а не короткие, легкие, щегольские импортные из кевлара, в которых «духи» любили позировать перед кинокамерами запад-

ных корреспондентов. «Значит, стрелять, скорее всего, придется в голову», – подумал Дроздов и сам удивился своему необычному спокойствию, казалось, что сейчас даже спусковой крючок он способен нажать плавно, без рывка.

Пара разделилась: один примостился с автоматом на изготовку за не выкорчеванным валуном – прикрывать, второй сделал бросок вперед. Задача разведчиков была ясна: или незаметно подползти к окопу и, бросив гранату, сразу бежать назад, или, проникнув в окоп, перерезать дозорных, и, захватив их оружие, вернуться к своим, гордо похваляясь трофеями, или, совсем уж джигитский поступок – зарезать одного и заминировать труп, а второго приволочь к себе живым. На большее такой маленькой группе рассчитывать не приходилось.

Очередная ракета. Двое застыли. Дроздов видел их, а они его нет – в бруствере было сделано хитрое маскирующее углубление, позволявшее оставаться невидимым снизу, со склона. До ближайшего оставалось метров шестьдесят-семьдесят, до второго, за валуном, восемьдесят-девять. Дроздов даже успел различить серое лицо ближнего, его предельное напряжение. Он был с бородой, не молодой и не старый – лет тридцати-тридцати пяти. «Матери тогда было двадцать восемь, тем пятнадцать-шестнадцать, сейчас ей сорок четыре, значит, этим должно быть тридцать один-тридцать два».

Когда вновь вспыхнула ракета, ближний был уже метрах в пятидесяти. Со следующей позиции он мог бросить гранату – пора было начинать. Дроздов стал целиться в дальнего, что за валуном. Тот, видимо, чувствовал себя в полной безопасности: его вязаная шапочка слишком уж беспечно высывалась из-за камня – бездействие Дроздова явно усыпило его бдительность. К тому же они знали, что мерзнуть в дозоре у федералов всегда назначают первогодков, и если они так долго их не обнаружили, то наверняка спят. Изнеженные сопляки, не способные убить, дрожащие от одного звука гортанного акцента, видят во сне своих грудастых и задастых коров-мамаш.

Короткая очередь гулким эхом прорезала ночь и пошла гулять отзвуками по распадку. Только что торчащая над валуном шапочка неестественно дернулась и пропала. Это было попадание в десятку. Видимо, тот нерв, что не дал возможности Дроздову окончить снайперскую школу, наконец успокоился и уже не мешал плавно спускать курок. Он целился недолго – ракета все еще горела. Ближний бородач распластался лицом вниз, стараясь втиснуться в каменистый склон. Ему некуда было деться, его уже никто не прикрывал, а бежать назад к камням было далеко. Дроздов же ждал, что он побежит все-таки назад, покажет спину, наклонится... и тогда появится возможность всадить очередь снизу, под бронежилет... в промежность.

Ракета погасла, Галеев очнулся и начал поливать из своего укрытия в небо трассерами. «Духи» тут же стали отвечать из «зеленки» – оказывается, их было там много, а эти двое всего лишь нечто вроде авангарда диверсионной группы. В свою очередь Галеев, бегая с места на место, создавал впечатление, что в траншее засел целый взвод. Сосредоточив весь огонь на изображавшем «море огня» клубном работнике, отряд в «зеленке» лишил последнего прикрытия своего лежащего перед окопом товарища. Дроздов спокойно дожидался «света», не обращая внимания на надрывающийся от звонков телефон. Он и так хорошо видел цель, и если бы «дух» сделал хоть малейшее движение в любую сторону... Но «дух» лежал ничком, как мертвый, оцепенел, а может, молился... Взлетело сразу несколько ракет и стало светло как ярким днем, сигнал тревоги в тылу сливался с беспорядочной стрельбой... Уже было слышно, как с бряцанием приближается тревожная группа, когда Дроздов выпустил длинную очередь в голову застывшего в ужасе чеченца.

ГОСПОДЬ СОХРАНИЛ

Валера – офицер подмосковного спецназа. По долгу службы ему приходится бывать во многих переделках. Чемпион многих соревнований по дзюдо, инструктор рукопашного боя, росту не очень высокого, но сбит крепко и вид имеет весьма внушительный, все время сосредоточен, из породы молчунов.

Через друга разведчика пришел к Православной вере, полюбил паломничества к святым местам – в Переяславский Никитский монастырь, Оптину пустынь, а излюбленным местом стала Свято-Троицкая Сергиева лавра, где он часто исповедовался и причащался, советовался со старцем Кириллом.

И вот третья командировка в Чечню. До этого ни единой царапины, хотя и боевые операции весьма и весьма «крутые». Господь берег русского солдата. Сейчас же до отправки с Казанского вокзала Валера провел двое суток в лавре, исповедовался, причащался, окунался в святом источнике, ночевал же на лаврской колокольне. Напутствуемый благословениями лаврских старцев, Валерий вместе с Борисычем – другом-сотаинником, приведшим его к вере, отправился на электричке из Сергиева Посада в Москву. По дороге Борисыч подарил ему кожаную тисненую иконку Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, с оборота которой был подшит кусочек ткани.

– Что это за материя? – спрашивает друга Валера.

Тут надо сказать, что за несколько лет до этого настоятель кафедрального собора г. Новосибирска протоиерей Александр Новопашин вез из Питера благословение владыки Иоанна, Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского – величайшую святыню Русской земли – частицу мощей победителя Невской битвы и Ледового побоища. Приняв святыню, в дороге батюшка постоянно и благоговейно служил молебны. Многоценные мощи были завернуты в особый плат. Потом, когда мощи доставили в собор, плат этот разделили между прихожанами. Вот частица этого покрывала и была подшита к кожаной иконке Святोरусского Великого Князя-Воителя Александра. Об этом и поведал Валере его сердечный друг, напутствуя соратника своей самой дорогой святыней, какой до сих пор владел.

В один из дней трехмесячной кавказской командировки воинской части, в которой служил Валерий, от командования поступил приказ: взять штурмом укрепленную в горах базу – около четырехсот боевиков со складами вооружения, снаряжения и провианта. Начальством планировалось в начале провести мощную артиллерийскую подготовку вместе с ударом штурмовой авиации. Но случилось непредвиденное для спецназа: ему не оказали никакой поддержки ни авиация, ни артиллерия.

Выдвигались длинной колонной на бэтэрах ближе к вечеру, чтобы рано поутру прибыть на место. Об этой операции стало известно чеченцам, и в горном ущелье они сами устроили коварную засаду для российских воинов. Колонна двигалась змеей в узком ущелье. Слева – обрыв глубокого ущелья, где далеко внизу шумел горный поток. Справа вздымались вверх отвесные скалы.

Ребята подремывали на броне, было еще достаточно времени до места назначения. Вдруг – гром выстрела прозвучал впереди колонны, и колонна остановилась. Передний бэтэр, на котором ехал командир, густо задымил, через клубы черного дыма прорывались языки пламени. Почти одновременно выстрел из чеченского гранатомета в хвост колонны. Задымил и последний бэтэр. Колонну зажали с обеих сторон. Места для засады лучше не бывает. Наши как на ладони: ни вперед, ни назад. Чечены прячутся за камнями и ведут оттуда интенсивный огонь. Валера прыгнул с бэтэра за колеса, механически взглянув на часы. И тут началась какофония. Русских буквально начали расстреливать в упор. Практически не было возможности отвечать. Валера подумал, что это и есть, наверное, его последний час, а точнее – минуты. Никогда еще в жизни смерть не стояла так близко.

И тут он вспомнил о благословенной иконке Великого Князя Александра Невского. Лихорадочно достав ее с груди, успел только подумать слова молитвы: «Князь – воин русский, помогай!»

И начал креститься. Был на какое-то мгновение в молитвенном забытии, потом оглянулся, и увидел, что лежавшие рядом спецназовцы, глядя на него, тоже крестятся. И после молитвы начали дружно отвечать на чеченские выстрелы из автоматов и подствольных гранатометов, над головами же дружной заработали бэтэровские крупнокалиберные пулеметы. И тут случилось чудо. Откуда шли сзади колонны, со стороны чеченов, стал стихать огонь. Подобравшись, схватив погибших и раненых – вырвались назад. А были обречены! Минимальные потери: трое убиты, в том числе командир, два механика-водителя, и пятеро раненых. Валерий опять посмотрел на часы: бой продолжался 20 минут, а казалось, что целую вечность.

После боя, когда вернулись на базу, ребята как один говорили: «Господь сохранил». Через 2 дня была проведена ранее намечавшаяся артподготовка. В лагерь боевиков вошли, не сделав ни единого выстрела из автомата или подствольника. Груды навороченных тел вперемешку с бытовым мусором и ни одного живого бандита. Вот такой случай конкретной помощи небесных покровителей русскому воинству.

И в связи с этой историей вспомнилось другое. Есть в Центральной России мотострелковая часть, где духовной жизни священник вел миссионерскую работу. Ребята – и офицеры и солдаты стали молиться, исповедоваться, причащаться, вошли в навык утренние, вечерние молитвы, чтение акафистов. Подразделение полка переводят в Чечню. В одном из тяжелых боев взяли в плен трех полевых командиров.

Держали взаперти. Когда офицеры и солдаты вставали на молитву, из-за решетки неслась грязная ругань. Но постепенно, видя дух наших воинов, ругани стало меньше. И однажды чечены просят их крестить, дабы и им сделаться воинами Христовыми. Крещенные, они были выпущены на свободу, двое потом вернулись в часть. Мне неизвестна их дальнейшая судьба. Но какой яркий пример! Если большинство воинов будут Христова духа, то Россию не одолеть.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ГЛИНСКИХ ЧТЕНИЯХ

Родные мои, дорогие любимые братья и сестры, очень радостно мне быть здесь, в сердце земли Русской, под дивным покровом батюшки преподобного Сергия Радонежского и вместе с вами участвовать в маленькой нашей лепте становления, возрождения России-матушки, святой Руси. Благодарю вас, что вы выслушаете меня, поздравляю вас с праздником святого равноапостольного князя Владимира, спаси вас Господь.

23 января 1995 года моя штурмовая группа, которой я командовал в 166-й бригаде специального назначения в городе Грозном, проводила операции по зачистке и блокированию Чеченского государственного университета. Группа вышла в район, а район был в принципе обезврежен от боевиков, потому что перед нами там проходили морские пехотинцы, наша задача была сменить их, задача последующего направления была блокирование и зачистка 15-го микрорайона, площади «Минутка», на которой действовал известный полевой командир Хаттаб. Группа встала, десант спешился, остался в моей головной машине походной, боевой машине пехоты Вадим – солдат, механик-водитель. Бригада наступала слишком быстро, тылы запаздывали, и поэтому ребятки, бойцы не ели вторые сутки. Скоротечность боев и плотность боевых соприкосновений очень измотали парней. И вот остался он один, механик-водитель Вадим, он замешкался в машине, потом перелез в люк наводчика-оператора (в боевой машине пехоты люк наводчика-оператора находится на башне, в которой установлена автоматическая пушка 2-42 – 40-миллиметровая). И вот ребятки сели, костерчик начали разжигать, а он залез и случайно достал полбуханки белого хлеба. Он по броне еще постучал. Звучность и сухость этой трапезы. Полбуханки белого хлеба. Он постучал, обрадовался, сказал: «Ребята, вот у нас есть, что поесть». Тут подошел мальчик тринадцати лет, чеченский паренек, протянул руку левую. Вадим посмотрел на хлеб, посмотрел на мальчика, ну и отдал мальчику еду. В ответ полетела граната Ф-1, граната упала в люк наводчика-оператора, боекомплект сдетонировал, башню оторвало на 50 метров, она отлетела от машины, от Вадима не осталось ничего. Рядом стоял мой снайпер Саша Волоченко, он поймал в прицел убегающего мальчика, чеченского паренька. Пауза была длинная, парни были просто в шоке, они не понимали, что произошло взрыв, и все. Вот он поймал его в прицел, я только молился как мог, вернее читал молитвы, молиться очень тяжело, читал молитвы и не знал, что сказать ему. Александр не выстрелил. Он только опустил винтовку и сказал: «Я поймал его в прицел, а у меня в России остался брат, братишка такого же возраста, и я подумал, что я стреляю в него». На этом маленьком эпизоде виден характер и сила души русского православного воина, который отдает последнее ребенку-иноверцу, и жертвует собой. Ровно через неделю, 27 января, у моей группы была задача разгребать технику, оставленную на железнодорожном вокзале, где погибла знаменитая майкопская бригада. Весь ужас происходящего, и того, что я увидел, когда прибыл со своим штурмовым взводом, передать невозможно. Обугленные ребята – тела в боевых машинах, пожженная техника, передать очень тяжело. Хочу немножко остановиться на одном эпизоде. Рядом, на железнодорожном вокзале, со стороны платформы, было три столба линии электропередачи, они были в виде креста. На них висели наши солдаты. Они провисели, наверное, дней пять, а может, и больше. Ребята сказали мне, я машины подвел, БМП, и носом, ребристым листом начал потихонечку сбивать столбы, потому что достать их было невозможно. Сначала первый столб в виде креста накренили. Солдатик, имени его я не знаю, был уже мертв, потому что похолоделое тело было. Чеченцы их вешали уже убитыми, я так понял, двоих, на крайних столбах. Третий столб также накренили, тоже безжизненное тело было. А на центральном кресте... а на центральном кресте солдат еще оказался жив. Ребята его снимали как самое что ни на есть дорогое и ценное, нежно, с любовью пытались его снять, они плакали как дети. Руки были прикручены к колючей проволоке, и они были почерневшие, просто почерневшие. Солдат был ранен, истекал кровью, но еще дышал. Когда ему начали перерезать руки, сдавливающие его к кресту, к перекладине линии электропередачи, тяжело это выходило, солдат сказал только несколько слов, они до сих пор у меня в сердце, он сказал: «Не надо, мне здесь так хорошо». Через... я начал понимать, что хорошо ему было на кресте. Дай нам Господь многим принять такую кончину.

12 марта 2000 года, уже в эту войну, в районе Туркале, Аргонское ущелье, попадают в плен два моих боевых товарища – старший лейтенант Сережа Никифоров, командир пятой роты и два солдата – младший сержант, фамилий их я не помню – Анатолий и Петр, Петя, механик-водитель. Попали в засаду они ночью, поехали на водопад за водой и, видимо, были взяты в плен. Мы искали их все утро и только под вечер нашли в районе населенного пункта Ахим-Чубарзой, блокировали населенный пункт. Бой недолго длился, они не ждали нас. Вот что нам рассказал полевой командир, которого мы взяли в плен. Солдатики погибли в первые минуты их захвата, а старший лейтенант Сергей Никифоров остался жив, был тяжело ранен, контужен. Их бросили в подвал и наутро достали тела погибших солдат, подвели еле держащегося на ногах Сергея, старшего сержанта Никифорова, и, снимая на видеокамеру, сказали ему... Подвели к обрыву, яме, которая кишела арычными крысами. Если кто не знает, кавказские арычные крысы величиной с персидского кота. Визг, стоявший, когда мы блокировали населенный пункт, был невероятно жуток. Видимо, голодные эти крысы, они, визжа, подскакивая,

пытались выбраться оттуда. Яма была метров четыре-пять глубиной. И вот они положили на край обрыва двух солдатиков погибших, а Сергею, офицеру, предложили: «Ты сбрось их туда, и мы тебя отпустим, поедешь в отпуск, жив-здоров будешь». Сережа стоять не мог, потому что у него был перебит позвоночник, он встал на колени, как говорил полевой командир, поцеловал тела погибших солдат, которых он, командир, не уберег, из последних сил встал, подозвал полевого командира к краю обрыва, сделав вид, что он что-то хочет сказать ему, и с криком «Матерь Божия, спаси!» упал вместе с полевым командиром в яму. Мы опоздали на четыре часа. Ребята доставали тело нетронутого русского православного воина Сергия и плакали как дети. От полевого командира не осталось даже камуфляжа, а тело русского новомученика крысы даже не тронули.

Эти маленькие случаи я хочу закончить эпизодом гибели недавно, 23 октября 2002 года, в театральном центре на Дубровке в Москве моего друга, которого я очень люблю, дружбой с ним очень дорожу. Мы учились с ним вместе при поступлении в Академию, он на судебном отделении учился, я на... естественном, и связывали нас узы неимоверной, духовной, братской любви, потому что это был, не постесняюсь сказать, очень обильно одаренный Божией милостью русский православный офицер Константин Васильев, даром любви, веры и надежды. Вера в нем была настолько крепка, что я всегда хотел быть рядом с ним и очень многого от него набирался. Костя Васильев возвращался с работы 23 октября, в 22.30, в момент захвата заложников в Норд-Осте. Дорога с его работы проходила мимо Норд-Оста, и первая женщина, которая выбежала, стала кричать, что в зале стреляют. Я всегда задумывался над этим, смог бы я так поступить, имея определенный опыт, видя смерть перед собой. Максимум, на что бы сподобился человек православного сознания – это позвонить, вызвать милицию. Костя был в форме, подполковник юстиции, работал в Департаменте управления военных судов, он пошел туда просто. Что в нем говорило, я всегда догадывался и понимал, в нем говорила любовь, любовь к тем, кто там. Он подошел, его пропустили в фойе, видимо, там система обеспечения боевиков была на те минуты, на тот час еще не совершенной, они как-то пропустили его, дали возможность зайти. И в фойе, видимо, начался такой диалог, закончившийся его дивной кончиной. Он зашел, предъявил свое удостоверение, сказал, что я представитель власти, отпустите детей, я оставляю себя в заложники. Народ этот, дабы не впасть в осуждение об этом народе, менталитет характера такого, что когда они вместе и с оружием в руках, они немножко меняются, мягко говоря. Они начали издеваться над ним. Человек в форме перед ними стоит, они начали приставлять ему стволы автоматов в лицо, срывать погоны. Помимо православного сознания, именно православного сознания, в силу своей дивной веры и любви, он был еще рукопашником, то есть он занимался по системе Алексея Кадочникова, это школа выживания, стержень которой – православный дух, учение наших отцов. И он начал бороться с ними. Его в борьбе оглушили прикладом и произвели две очереди, 6 пулевых ранений, все смертельные. Тело его бросили в подвал по винтовой лестнице, Костя там пролежал с 23 октября по 26-е, нашли его только 27 октября. Тут повторяется такая же история с крысами, когда нашли его через четыре дня, крысы его тоже не тронули. Мне просто известно, из моего личного опыта, что крысы – такие животные, которые имеют возможность питаться трупами, а в данном случае что-то непонятное случилось. Непонятное для кого-то, может, для вас это понятно, для меня, например, тоже.

И последний случай хочу вам рассказать. Это было в конце декабря 1994 года при штурме президентского дворца. Взвод мой понес большие потери. В штурмующей колонне моего взвода, при штурме президентского дворца на моих глазах в штурмовой тройке, которую возглавлял я, тяжело ранят моего солдата, ему миной отрывают обе ноги, и осколок в кулак ему втыкается в грудь. Не знаю, сколько времени прошло, он у меня на руках умер, может, час, может, больше, он в агонии сжимал мою руку и каялся, каялся так, что я плакал вместе с ним. Слава Богу, что я православный христианин, и слава Богу, что я впоследствии узнал, что его исповедь мне можно будет передать во время Таинства исповеди любому священнику. И когда он закончил свои слова покаяния, он смотрел на небо, я не мог ничего сделать, что самое страшное. Ремнем от двух наших автоматов я пережал ему раны на двух ногах, обрубки которых были у меня на руках, сам тоже был весь в крови, я не знал, что делать, я тоже просто кричал, вместе с ним плакал. Последние его слова были: «Как жалко, что я никогда не исповедовался. Прими меня, Господи», и умер. Таких историй, родные мои, много очень. Видимо, так получается, что говорить об этом, может, нужно, а может, не нужно, я не знаю, вам судить. Но я просто хочу сказать одно, что три института, три дивных института нашего общества, один из которых является небесным институтом – это матушка наша Русская Православная Церковь, второй институт – это семья и третий – это армия, они должны подготавливать каждого члена этого института для жизни вечной. В армии это происходит удивительным образом, явлю, четкостью своих поступков и мыслей. Человек либо становится святым, я глубоко в этом уверен, либо он становится предателем. Поэтому задача семьи, наверно, подготовить таких же детей наших, которые могли бы защищать, может быть, вскоре, может быть, завтра, а может быть, через год, одному Богу известно, когда у нас будет брань, в которую мы с вами скажем, либо мы православные, либо мы не православные. Поэтому я, заканчивая, хочу пожелать вам, родные мои, того, чего желаю всем своим родным, близким и друзьям. Я желаю вам веры, надежды и любви. Веры, как учил Господь наш, имеющий ее, как зерно горчичное, скажет горе: «Встань и вверзись в море», она встанет и ввергнется в море. Надежды я вам желаю, как говорят святые отцы, что имеющим ее смерть не страшна. И желаю вам любви, как сказал апостол Павел, со-

вокупности всех совершенств. И напоследок хочу сказать, что эти парни, которые сейчас находятся на Северном Кавказе, это наши дети, они нуждаются в вас. Эти слова я отношу к Матери Церкви и к ее священству. Спаси вас, Господи. Если можно, я скоро уезжаю, у меня... погибло 33 моих солдата, и эпизоды, которые я смог вам рассказать, некоторые из них, если все рассказывать, может быть, и недели бы не хватило. Я оставлю записочки. Если милость Божия будет на ваших сердцах, то помолитесь о них. Спаси вас, Господи.

ВЗРЫВ НА ТЕРЕКЕ

Захарка Руднев называл этих чеченцев обыкновенными скотокрадами. Они же считали себя воинами ислама. А в российских газетах их именовали членами незаконных вооруженных формирований. Вооруженные, как спецназовцы, они регулярно ходили за Терек, а, возвращаясь, бахвалились, что занимались не только кражами.

Захарка знал все это в подробностях, потому что его мама, Наталья, и в тридцать пять слыла красавицей. Когда их дом после ухода русских войск сожгли (за просто так), чеченец Лом купил ей другой, поскромнее, став ее «властелином».

Лом, по-чеченски Лев, рассказывал Захару, что получил имя царя зверей в память о предках, пришедших из Аравии осваивать ичкерийскую землю. Но мать, стыдясь тринадцатилетнего сына, что стала наложницей бандита, шепотом рассказала Захарке, как эти земли приводили в божеский вид терские казаки, а коренные чеченцы тогда были жителями гор. Мальчишка знал это и сам. Станицы Старо-Щедринская, Гребенская были родиной его предков, где в свое время казаков извели как класс. Что такое «класс», Захарка помнил со школы. В последнюю русско-чеченскую войну в Старо-Щедринской жил-поживал только один русак-алкоголик, сын которого принял мусульманство и снайперил у Дудаева. Захарка узнал об этом из рассказов Лома, в обычае которого было соврать, приукрасить. Чеченцы, как малые дети, часто самообманывались, выдавая желаемое за действительность.

Когда российские войска по приказу Москвы ушли из Чечни, наступило время невообразимого пиратского пиршества. Лежа в комнатке дома, купленного врагом, слушая доносящиеся из-за стены песни и пьяные разговоры (когда по-чеченски, чаще по-русски), Захарка думал, что тем русским воинам, кого он лично знал, не дали победить. Гости Лома кричали, что настанет час, когда «рыжих псов» окончательно, как из Чечни, погонят с Кавказа. Воцарится великое исламское государство. Больших сражений не будет. Партизаны, словно дикие пчелы, измотают полудохлого русского медведя, и он, косолапая, умчится к себе на Север околевать.

Захарке не надо было в эти минуты быть среди гуляющих от души боевиков: он и так знал, что мать, как и полагается в чеченском доме, стоит где-то за их спиной с полотенцем в руке, следя за лицом Лома, чтобы мгновенно исполнить любое его желание. «Рабыня! – беззвучно кричал в темноте Захарка. – Кого рождает рабыня? Неужели только раба?!»

Все, что писалось в умных книгах, которые он любил читать до войны, оказалось беспредельным враньем. Ничего не было – ни любви, ни жалости к людям! Особенно врал про жизнь кинофильмы: чтобы спасти горстку обыкновенных людей, высаживались десанты, куда-то обеспокоенно звонил президент. Ничего подобного не наблюдалось в действительности. Как только скрылся в пыли последний российский бэтээр с людьми на броне, в Чечне началось уничтожение русских. Кому в мире было дело до этого? Классную руководительницу Захарки разрубили топором, а ее ребеночка, «пожалев», задушили телефонным проводом. На русских отыгрались сполна. Теперь в бывших казачьих станицах была новая мода: отбирать пенсии у тех, кто получал их на Ставрополье. Если русские сопротивлялись, их убивали, включали газ – все следы преступления уничтожал пожар.

Жаловаться было некому. Когда Захарка слышал по московскому радио мудреные рассуждения о демократии, о каких-то правозащитниках, об успехах борьбы с преступностью в Чеченской Республике, то смеялся как сумасшедший.

И еще он остервенело дрался на улицах. С отчаянностью обреченного, нося синяки и порезы с гордостью, как ордена. Чеченские пацаны набрасывались только стаей, а он отбивался как мог.

Лом, перевезший его с матерью сюда, в незнакомое место, не вмешивался. Он желал только тела Натальи. Бежать ей с Захаркой было некуда. В России ее с сыном никто не ждал. Душа Натальи давно уже приказала долго жить, а тело принадлежало Лому, пахнущему не волком, как он любил хвастаться, а бараниной, которую Наталье приходилось готовить днем и ночью, потому что Лом никогда не приезжал один.

Дом, где с недавних пор жили Наталья с Захаркой, был невелик, но с добротными подвалами. Прежний хозяин-казак был виноградарь, каких поискать. После его гибели жена откупилась от злодеев убыточной продажей дома и ушла, не оглянувшись, будто и не жила тут.

В подвалах, помимо старого чихиря, теперь Лом хранил оружие, боеприпасы, взрывчатку. Все это привозили, увозили такие же, как он, крепкие бородачи в камуфляжах.

А вот сегодня вечером на джипах приехали только одетые в черное! Наталья носилась по дому как угорелая. А боевики, зная, что она не жена, весело ее подгоняли. Захарка знал: «хазки» по-чеченски – говно молодого поросенка, и это слово стремительно летало между переговаривающимися боевиками. От ненависти к ним Захарка только нервно жмурился, словно не хотел глядеть на огонь, который его заставили разжечь и поддерживать во дворе.

Захарку уже давно не интересовало, в какой стороне Москва, но когда боевики в черном, вытащив из подвала несколько ящиков, стали набивать патронами автоматные рожки и несколько раз упомянули Москву в разговоре, он снова о ней подумал. В школе, куда Захарка дорогу давно забыл, их учили любить Москву, рассказывая о ней, как о чем-то светлом, драго-

ценном, даже святом. Песню про Москву в первом классе заставили выучить. Слов он теперь не помнил! Когда российские военные, с которыми Захарка любил общаться, бросив заставы на Тереке, стремительно ушли, он впервые стал думать о Москве и о них, как о чужом далеком. Потом он пытался оправдать их отъезд.

Особенно хорошо Захарка относился к собровцам. Когда они приезжали на бэтээре в станичную баню, обязательно угощали его и других детей – всех без разбора – простенькими конфетами, поливитаминами, катили казачат на технике, показывали приемы рукопашного боя. Их с окраины станицы вывели много раньше, чем российская группировка оставила Чечню. О собровцах из Сибири Захарка вспоминал с теплотой. На них, особенно перед ночной работой, тоже бывала черная форма, подчеркивающая стройность, мужественность и силу.

Захарка поворотил угольки в костре. Из темноты на свет вышел чеченец, молодой лицом, но с седой бородой, сказал, улыбаясь:

– Красивая девка Наталка.

– Она не девка. – Подросток вступился за мать. – Женщина она.

– Красивая. Очень, – продолжал разговор боевик в черном. – Молодец Лом. Надо, чтобы у каждого чеченца была такая Наталка. Мы заслужили.

Захар решил дальше молчать. Громко кричали цикады.

– Ты бы принял мусульманство, – посоветовал боевик.

– Бога нет, – протяжно и тихо сказал Захарка.

– Неправда твоя, – ответил чеченец.

– Если бы он был, вы, боевики, давно бы подорвались на минах или утопили в Тереке.

Захарка, светловолосый, худой, долговязый, думал, что его ударят, запинаят ногами, но боевик засмеялся, одобрительно хлопнул его по спине.

И мальчик понял, что сегодня в доме очень опасные люди.

– Мы уважаем казачество! – сказал чеченец. – Вы – серьезный противник. Слава Аллаху, у вас нет денег, чтобы организовать. Честным путем их не заработаешь, а вы воспитаны в честности.

Боевик поклатал затвором своего автомата и ушел в дом, где в этот раз было нешумно. Никаких песен, громких тостов.

Все, кто приехал с Ломом, были от двадцати пяти до тридцати лет – легкие, точные в движениях, затянутые в «разгрузки», обвешанные оружием, с которым обращались уверенно и любовно. Никто не обнажал ножи, не кричал исступленно «Аллах акбар».

Сначала эти люди побывали с Ломом в подвалах, потом сели к столу, выставив немногочисленную охрану. Над матерью Захарки они шутили недолго – поиграла нерастраченная мужская сила и спряталась.

«Зачем они приехали?» – Захаркой вдруг овладела тревога. Он знал, что Лом часто ходит за Терек, угоняя дагестанский и казачий скот. Вестей с того берега практически не было. Те из русских, кто бывал в Кизляре, хранили молчание, опасаясь сотрудников чеченской национальной безопасности.

Иногда мать, перед сном, жаловалась Захарке на свою судьбу, на нежелание жить, говорила, что живет по привычке. И просила у сына прощения. Тогда он уходил на Терек и слушал его холодно-величавый гул, вспоминал отца, которого бандиты убили еще до войны, отбирая новенький мотоцикл. Тело так и не было найдено. Но Захарка чувствовал: оно в Тереке – привычной казачьей могиле. Мать говорила, что когда-нибудь возле суровой пограничной реки соберутся все православные священники России и отслужат панихиду по тем, чьим последним прибежищем стали глубокие, бурные, сокрывшие многие чеченские преступления воды.

Мать то выбегала во двор, теперь свободный от боевиков, то исчезала в доме с ярко освещенными окнами. Тускло-желто, как волчий глаз, светила в небе луна. Проскакал по острым верхушкам тополей ветерок.

Похожая на ласку, такая же быстрая, снова выскочила из дома мать, присела возле костра, протянула к огню руки, словно просила помощи.

– Кто они? – негромко спросил Захарка о боевиках. – Зачем приехали?

– Диверсанты Хаттаба, – равнодушно ответила мать. – Ночью уйдут за Терек – убивать милиционеров на блокпостах.

– Наталка! – прокричал, открыв окно, Лом. Мать только и успела погладить Захарку по голове. «Зачем я живу? – думал он. – Зачем мне эта луна? Весь этот мир? Может, в эти минуты на золотую монету в небе, как и я, в далекой непонятной Москве смотрит девочка, предназначенная мне судьбой?»

Чеченских боевиков, он посчитал, было двадцать два человека – уверенных в своих силах, беззлобных, как и полагается профессионалам. Живя на войне, Захарка давно разобрался, что ветераны боевых действий спокойны, на отдыхе мечтательны, а в сражении опасны, как бритва. Сея вокруг себя смерть и разрушение, каждый стоит десятерых. «Значит, в доме ночуют не двадцать два, – подумал он, – а двести двадцать боевиков-диверсантов, собирающихся отнять жизнь у российских милиционеров».

Вход в подвал никем не охранялся. Там, он знал, лежали несколько танковых снарядов, которые привезли неделю назад ночью. В нескольких ящиках Лом хранил гранаты Ф-1, РГД-5. Захарка умел обращаться с ними. Научился за годы войны. Не раз кидал их, найденные возле

станции, в Терек.

Захарке, с особенно острой тоской вспомнившего убитого чеченцами отца, больше не хотелось, чтобы Лом терзал тело его матери, чтобы боевики в черном отрезали головы русским. Как тень, проникнув в подвал с боеприпасами, он тихонько вскрыл ящик с гранатами и, взяв Ф-1, перекрестившись, выдернул чеку...

На милицейских вышках в квадрате «Х» был отмечен за Тереком большой силы взрыв, осветивший ночное небо. В сводках разведывательных служб об этом факте долго ничего конкретного не сообщалось. На чеченских базарах же много судачили о том, что российская ФСК провела успешную акцию против диверсантов Хаттаба.

